

Сергей Че

На закат от
Мангазеи

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ • ФЭНТЕЗИ • МИСТИКА

Сергей Че

На закат от Мангазеи

«Издательские решения»

Че С.

На закат от Мангазеи / С. Че — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837638-2

Начало XVII века. Смута. В безлюдных землях исчезает караван с таинственным грузом. Чтобы расследовать это преступление, в Мангазею, форпост России на крайнем севере, прибывает дьяк Разбойного приказа Семен Макарин. Ему предстоит забраться в глухие таежные дебри, пересечь ледяные пустоши. Столкнуться с воинственными племенами и разбойниками. Погрузиться в темный мир, где до сих пор правят колдуны, и оживают давно забытые боги.

ISBN 978-5-44-837638-2

© Че С.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	18
4	23
5	28
6	33
7	40
8	44
9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

На закат от Мангазеи
Исторический детектив с элементами
мистической фантасмагории
Сергей Че

© Сергей Че, 2017

ISBN 978-5-4483-7638-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Был вечер. Была река, широкая и холодная. И был корабль на реке, старая почерневшая посуда с двумя мачтами и кормовой надстройкой.

По берегам тянулись заросли низких, корявых деревьев, и казалось, что какая-то неведомая сила скрючила их, заставила страдать, так что напоминали они теперь скелеты замученных давным-давно людей.

– Что ты знаешь об этих местах, дьяк? – внезапно, после долгого молчания спросил зверолов. – Читал ли чего, купцов ли расспрашивал, прежде чем отправиться сюда? Или так просто, собрался в путь-дорогу, а там лихая сама вывезет?

– Холодно здесь, говорили, – ответил Макарин, подождав немного. – Зимой люди замерзают так, что кровь льдом становится. Правда это?

Зверолов хмыкнул, ерзая на своих тюках с товаром.

– Льдом или не льдом, но дух вышибает, да.

Они сидели впереди, у носовой корги, рядом с древним облезлым якорем. Над их головами хлопал грязный парус. Ветра почти не было, и коч медленно полз вдоль низкого берега, старательно огибая то и дело попадающиеся песчаные языки. Солнце уже садилось, окуная в темноту и без того мрачный лес на противоположной стороне.

– А еще рассказывали, что здесь на сотни верст сплошная пустошь, которую поморцы называют тундрой, и где нет ничего кроме мхов с болотами. А теперь смотрю – лес. Стало быть, вдали?

– Это дальше, – зверолов махнул неопределенно. – За лесом. Там тебе и мхи, и болота. Но туда лучше не соваться.

– Почему? Дикий народ гуляет?

– И дикий тоже, – уклончиво ответил зверолов. – Времена сейчас тяжелые.

Он достал из мешка толстую сермягу, накиннул на плечи. Холодало. Немногочисленные гости, что сидели весь день вдоль бортов, подтягивались теперь к середине, где двое из команды раздували печку, покрытую дырчатым чугунным колпаком. Кутались в кафтаны, тянули руки к разгорающемуся красному зареву. Макарин задумчиво разглядывал их, как делал это на протяжении всех последних дней. Дородный купчина из Тобольска с грузом зерна. Несколько приказчиков из центральных уездов с тюками различного товара. Парочка пугливых оборванцев, невесть что забывших на торговом судне.

– Скоро прибудем, – сказал зверолов. Он жевал кусок вяленого мяса, задумчиво разглядывая темные берега. – Вон у того камня повернем и, считай, почти на месте.

Макарин посмотрел на чернеющий впереди утес, за которым река делала резкий поворот. Лес взбирался на утес корявыми приземистыми сучьями, а на самой вершине торчала голая, будто обожжённая пожаром сосна.

– В лесах зверя полно, – сообщил зверолов. – Пушнина в руки сама идет. А в пустоши делать нечего. Одни топи. И дикие на санках с собаками. Да олени. Из нашенских туда почти никто не ходит. Разве что поморцы.

– И много здесь поморцев?

Зверолов пожевал губами, прежде чем ответить.

– Сейчас немного, но есть. Раньше больше было. А как новый острог поставили, так делись куда-то. Небось дальше ушли.

– Я думал, дальше Мангазеи ничего нет.

Зверолов внимательно глянул на Макарина.

– Дальше Мангазеи, дьяк, власти нет. А остальное есть.

Макарин хмыкнул. Зверолов, жилистый бородач, не вылезавший из лесов и живущий лишь своим промыслом, был единственным человеком на корабле, который за все долгие недели пути перекинулся с ним больше, чем парой слов. Остальные улыбались, желали здравствовать, но на любые вопросы отвечали односложными междометьями. Даже у толстого хлеботорговца при виде дьяка Семена Макарина начинали бегать глазки и дрожать руки. Не собери Макарин заранее про него сведения, то наверняка бы взял на заметку, чтобы поговорить с пристрастием. Сейчас этот сидящий у печки купчина поймал взгляд, судорожно поклонился, сделав вид, что пытается привстать. Давыд, Степанов сын, в Тобольске лет двадцать, поднялся из приказчиков, когда женился на дочери старосты, первые деньги сделал на торговле с сибирской татарвой, может поэтому и глазки до сих пор бегают. Нет, ничего он не знает о нынешнем деле. И знать не может. Не было его здесь год назад. Сидел у себя в Тобольске, дворовых девок шупал.

Макарин отвернулся. Впереди на берегу, среди гнилых плавней тускло горел костер. Вокруг огня сгрудились неподвижные тени. То ли кусты и корявые деревья. То ли люди в звериных шкурах. То ли звери в человеческом обличье. Из тех, что выходят по ночам на берега рек, сидят и ждут, когда мимо них проплывет лодья с добычей. Было нечто дьявольское в этих красных отсветах, что плясали на воде и ветвях деревьев. Коч поравнялся с костром и стало ясно, что никаких зверей нет, а есть сидящий на берегу рыбак. Он поднял руку и приветственно помаhal.

– Всегда здесь сидит, – сказал зверолов. – Сколько не ходил, каждый раз, на том же месте. Верная примета, что уже прибыли.

– Ты с полудня твердишь, что скоро прибудем. А Мангазеи все нет и нет.

– Как так нет, дьяк. Вот же она, – зверолов развел руками. – Мангазея. Все что видишь, все она, богатая. Все леса, все пустоши. На многие дни езды отсюда. Мангазея это не город, дьяк. Это целая страна. Острог что. Сегодня он есть, завтра его нет. И посад его сгорит. И люди уйдут. А Мангазея всегда будет. Пришлый московский люд вроде тебя этого не понимает.

– Больно разговорчив ты, зверолов, – повысил голос Макарин, выпрямляясь.

Тот ухмыльнулся в бороду, стащил шапку, мелко поклонившись.

– Прощения просим, государев человек. Не хотел обидеть. Но ты же сам меня расспрашивал о здешних землях. О караване том пропавшем. Как ты узнаешь, что с ним случилось, ежели не будешь знать, куда тебя ветром занесло?

Да, караван. Три малых коча, груженных пушшиной и еще чем-то непонятным, но достаточно важным, чтобы послать за тридевять земель целого дьяка из Разбойного Приказа. Трое купцов, тобольских и верхотурских, десяток сопровождения. Приказчики, слуги. Четверо стрельцов, возвращающихся в Тобольск к постоянному месту службы. Они вышли с Мангазеи год назад, спустились в море и должны были повернуть на юг к обскому устью. Их видели встречные лодьи вплоть до малой казацкой заставы у Собачьего озера. А потом их не видел никто. До Обдорской заимки они уже не добрались, и тамошние казаки, прождав положенный месяц, сообщили тобольским властям о пропаже. Тобольский воевода написал в Москву. И Москва отчего-то всполошилась. Простые купцы, малые суда, пушнина, ни одного значимого человека. Макарин даже имена не смог запомнить. А в Москве дело дошло до боярской думы, вызвали приказного судью и спросили его, кто в Разбойном лучший сыскарь. Макарин не считал себя лучшим. Откровенно говоря, лучшим его не считал и сам судья, окольный Иван Карпов. Да и само положение дьяка обязывало скорее сидеть в избе за бумагами, а не бегать по далеким землям в поисках невесты чего. Но время стояло непонятное, не было на Москве государя, зато за пределами Москвы государей было сразу много, и дьяк Семен Макарин, знакомец свергнутого царя Василия, оказался явно не ко двору. Судья Карпов был человеком боязливым и заранее избавлялся в Приказе от всех, кто мог ему создать неудобство хотя бы гипотетически. «Имей в виду, Сёмка, – сказал он тогда. – Дело важное. Исполнишь,

как полагается, и все забудут, что тебя в Приказе Шуйский двигал. Боярам тебя представлю, как вернешься. Авось и царю понравиться...». Судья запнулся, видно подумав, что еще неизвестно кто к тому времени царем станет и станет ли вообще. По самым скромным расчетам поездка на дальний северный край должна была отнять год-два жизни. Никаких толковых разъяснений, что такого вез караван, ради чего всполошились московские бояре, Макарин так и не дождался, и на пути к Тобольску уже начал думать, что на его место позарился очередной малолетний боярский родственник и никакого дела о пропавшем караване на самом деле нет, а если и есть, то оно гроша ломаного не стоит. Три малых коча, пушнина, два десятка черного люда, и всё. Но даже унылый долгий путь был лучше, чем пораженная гнилью безголовая, голодная и наполовину сожженная Москва, где хозяйничали пьяные ляхи и каждую ночь приходилось просыпаться в холодном поту от того, что где-то рядом скрипнули ворота. Макарин отправил детей на спокойную Оку в поместье их деда, отца покойной супруги, просидел полдня в старой церквушке Трифона Мученика, принял благословение на дальний путь и уехал, стараясь десятой дорогой объезжать как заставы ляхов, так и осаждающих Москву казаков и ополченцев. В сопровождающие ему дали только двух стрельцов, да и тех забрали уже в Березове. В Мангазею он прибывал сейчас один, после четырех месяцев бесконечного пути сперва реками и волоком чердынского тракта через Камень до Тобола, потом на север, через совсем уж дикие дебри, по разветвленным протокам, где вдоль берегов стоял нескончаемой стеной черный лес, простирающийся до горизонта, и только отроги древних рассыпающихся гор иногда разрывали чашу, сужали реку, заставляя ее нестись быстрее. Неделями они не видели ничего человеческого, кроме редких встречных лодий. Ни заставы с острогом, ни избы, ни даже пристани. Только рассказы о кроющихся в лесных дебрях вогульских городках заставляли Семена пристальнее вглядываться в небо в поисках еле приметного дыма от дикарских костров. После Березова был мелкий Обдорский острожек, пара дворов, обнесенных частоколом, где казаки снабдили их запасами на последний отрезок пути, и выход на несколько дней в море, где дикий ветер кидал тяжело груженный коч так, что Макарин уже успел попрощаться с жизнью. По пути в Мангазею моря было никак не миновать. Вот уже второй день как они из моря свернули в устье реки, а Макарин до сих пор вспоминал бешеную воду с содроганием. Если путь каравана пролегал там же, то ничего удивительного, что от него ничего не осталось. А значит и искать нечего. А значит нужно просто заехать, показать воеводам сопроводительные письма, расспросить первых попавшихся свидетелей, написать отчет, переждать зиму и первым же караваном обратно, к семье. Времена тяжелые, разбой всюду, а дед старый и челядь у него не воинственная.

Только сейчас Семен заметил, что зверолов стоит у самой корги, сжимая в кулаке шапку, и пристально вглядывается куда-то вперед. На его лице, парусе над головой, металлических частях оснастки играли смутные огненные сполохи. Макарин встал рядом.

Впереди, за темной массой прибрежной скалы, которую огибал сейчас по дуге коч, горели огни. Их были сотни или даже тысячи, маленьких ярких пятен от факелов, костров, фонарей, покрывающих весь берег слева, взбирающихся огненной дорогой на пологий холм, где в их неверном пляшущем свете угадывались крепостные стены и башни под высокими шатрами. Дальше от берега, под крепостью, огни сливались в одно сплошное мутное зарево и казалось, что там, вплоть до горизонта, лениво полыхает огромный пожар, из которого, как скалы из океана, торчат островерхие крыши северных изб и башни колоколен. Огни плясали у черной воды, и только приглядевшись, Макарин понял, что это не отражения, а кормовые сигналы стоящих кораблей. Широкие дощаники, малые лодьи, огромные грузовые суда, морские кочи с высокими бортами и поднятыми надстройками, они теснились вдоль пристаней, в несколько рядов, большие и маленькие. Мачты со спущенными парусами казались голым лесом и скрывались далеко в темноте.

– Ну, дьяк, – повернулся к нему зверолов. – Конец походу. Вот она, твоя Мангазея.

Коч натужно заскрипел, поворачивая к берегу. Забегали служки из команды, засобирались гости, подталкивая тюки с товаром ближе к левому борту. Из надстрога вышел капитан, глухо каркнул на одного из приказчиков, самого пугливого, чтобы оставил товар на месте, а то будет перегруз слева. Коч накренился, втискиваясь между ближайшими лодьями. На борту одной из них стояли двое и молча смотрели на вновь прибывших. Макарин заметил на берегу людей, они бродили, переносили товар, стояли кучками у тянувшихся вдоль пристани амбаров. Людей было довольно много и уже были слышны обычные звуки приближающегося города, далекие крики, бормотание, какой-то гул, звон, скрип бревен и досок. Нос учуял запахи жарящегося мяса. Где-то рядом была харчевня.

– Мы вещи твои тут пока оставим, – подошел к нему капитан. – Как с избой определишься, так и заберешь.

Макарин кивнул. Нашел взглядом зверолова, который уже налаживал за спину мешок с припасами.

– Ты так и не сказал мне, как тебя зовут.

Тот обернулся, улыбаясь в бороду.

– Лишнее это, государев человек. И тебе без надобности, и мне спокойнее. Как солнце покажется, уйду в леса, далеко на восход. Навряд ли свидимся. Бывай.

Коч трянуло, бревна единственного свободного помоста проскрежетали вдоль борта, какие-то темные сутулые фигуры в лохмотьях приняли брошенные канаты и стали подтягивать корабль к пристани.

Макарин взял суму с бумагами, проверил на месте ли боярская грамота, переданная ему судьей для воеводы, и направился к выходу. Встречные приказчики кланялись, расступаясь. Трусливый купчина Давыд Степанов спрятался за своими тюками. Служки, кряхтя и ругаясь, двигали толстые доски для спуска.

На пристани, вдоль схода, стояли четверо стрельцов в полевых серых кафтанах. Их десятник шагнул вперед и, поигрывая тростью, загородил дорогу.

– Дьяк Макарин?

– Он самый.

– Воевода Троекуров привет шлет.

Макарин кивнул. Встречи он не ожидал.

– Откуда про меня известно стало?

– Утром две лодьи пришли из Обдора. Их купец сказал, что следом идет коч, везет государева человека. Весь день тебя ждали.

– Скажи воеводе, на рассвете у него буду.

Десятник нехотя посторонился, явно в замешательстве. Макарин глянул на него внимательно.

– Что-то не так, десятник?

– Воевода тебя сразу ждет, избу отдельную сготовили, баню.

Это было странно. Приезжому дьяку конечно полагалась изба. Обычно в ее качестве выступало что-то покосившееся, провонявшее, со слепой старухой-хозяйкой в качестве обслуги. И ждать эту избу приходилось неделями. Воеводы не любили понаехавших приказных людей, видя в них досадную помеху для своей власти. Зато воеводское радушие при встрече всегда обозначало наличие у этой власти проблем. И чем приветливее был воевода, тем серьезнее были проблемы.

– Передай воеводе, что я ценю его заботу. И непременно явлюсь на его двор. Но утром. Или тебе, десятник, приказали доставить меня к воеводе, даже если я сам против буду?

– Не было такого приказа, дьяк, – мотнул головой тот.

– Это хорошо, – медленно сказал Макарин и осмотрелся. – Промочить горло с дальней дороги бы не мешало. Слышал, у вас тут даже кабак имеется?

Десятник кивнул.

– Не без этого, дьяк. – Он махнул стрельцам рукой, и те неуклюже разошлись в стороны. – И две питейные избы. Иди направо вдоль пристани и как амбары кончатся, так сразу и увидишь.

Макарин делано скривился. Это был явно не то, что описывали.

– На пристани? С рыбаками? А есть что-то более приличное?

Десятник виновато развел руками.

– Извини, дьяк, не подумал. Тогда тебе к старому Угрюму. Это тоже недалеко, вглубь посада, напротив Спасской башни. Иди по этой дороге, – он показал рукой на скрывающуюся в темноте меж двух амбаров дощатую мостовую. – Как увидишь большую двухэтажную избу с вырезанными чудищами на дверях, так сразу и входи. Не ошибешься, там всю ночь свет горит и народу тьма.

– Угрюм, говоришь? Будем надеяться, что изба у него не такая угрюмая как имя.

– Это уж как пить дать, – усмехнулся десятник. – Бывай, дьяк.

Он отсалютовал тростью. Стрельцы гуськом потянулись к набережной. Доски под их сапогами стонали, прогибаясь. Мангазея пахла рыбой, смолой и свежеструганным лесом. Как, впрочем, и любой недавно построенный город. Прежде чем углубиться внутрь темного посада, Макарин глянул вслед уходившим стрельцам и увидел, что идут они медленно, осторожно, по темной стороне. У одного из них тускло блеснула вытащенная наполовину из ножен сабля. Вокруг ходили грузчики с тяжелыми тюками, бегали какие-то малолетние сорванцы. Держась за амбарные стены протащилась парочка вдрабадан пьяных купцов. За ними увязалась гулящая девка в цветастых татарских юбках. Стрельцы шли не рассекая толпу, как обычно, а побоку. И оглядывались, будто опасаясь внезапного нападения. Но кого могли опасаться стрельцы и не опасаться грузчики, пьяные купцы и гулящие девки? Макарин подавил в себе желание незаметно отправиться следом. Завернулся плотнее в накидку и нырнул меж амбаров, туда где уже не было фонарей, выли собаки, и высились беззаконные бревенчатые стены.

2

Город был большой. Макарин не ожидал увидеть ничего подобного. Конечно он читал описание и теперь припоминал слова про несколько сотен душ постоянного населения, пятибашенный кремль, таможенный и гостиный двор, собор и три церкви, но тогда, в Москве, это прошло мимо сознания. На далекой северной окраине, где на тысячи верст в округе встречались только зимовья промышленников да мелкие острожки с парой десятков казаков, увидеть большой город, выстроенный по всем правилам государева уложения, с кварталами, дощатыми мостовыми, церквями и даже кабаком... Это казалось чем-то нереальным.

Амбары кончились и вдоль мостовой потянулись большие северные избы с маленькими затянутыми слюдой оконцами. Жилые дома сменялись закрытыми на ночь лавками и мастерскими. Только в кузнице горел тусклый свет и раздавались тяжелые удары молота. Макарин шел прямо, к видневшейся вдали проезжей Спасской башне, где располагались единственные ворота, ведущие из посада в кремль. В ее бойницах горели факелы и плясали тени часовых.

Питейная изба старого Угрюма располагалась на небольшой площади у ворот, куда стекались сразу три посадские улицы. Широкая, двухэтажная, с массивным основанием, она была украшена резьбой, обвешена лентами и освещалась установленными по углам слюдяными фонарями. У входа шатались в обнимку несколько забулдыг. Макарин брезгливо обошел их стороной и толкнул тяжелые двери с неумело вырезанным змеем. По глазам резанул слоистый тускло освещенный красным дым, в нос ударило чем-то кислым и противно-сладким, уши заложило от гула множества голосов. В длинном низком помещении тянулись заставленные медом, брагой и хлебным вином тяжелые столы, сидело, стояло, лежало и бегало сразу несколько десятков пьяных и трезвых, меж которыми сновала парочка служек с кружками и ковшами. Когда глаза привыкли к дымному полумраку, Макарин нашел свободное место и присел. Завсегдатаи не обратили внимания. Только сидящий по соседству купец в богатом кафтане с меховым воротником не по погоде, осоловело глянул, возложил лапищу ему на плечо, проворчал еле понятно заплетающимся языком:

– Тебя-то я и жду, – и придвинул Макарину огромную деревянную кружку с чем-то вонючим. – Будем?

Макарин отодвинулся.

– Спасибо. Но ты обознался, купчина.

Купец попытался собрать в кучу разбегающиеся глаза, у него это не получилось, он рыгнул и уронил голову на стол. Макарин огляделся. Напротив, в низком дверном проеме стоял грузный старик в заляпанном фартуке поверх темной рубахи и смотрел на него. У старика не было бороды и даже не было волос на голове. Зато был длинный шрам, тянущийся от виска до подбородка, из-за чего тонкогубый рот кривился вниз, придавая всему лицу траурное выражение. Старик медленно подошел к нему, вытирая руки полотенцем и умело лавируя между посетителями.

– Новое лицо, – сообщил он низким, похожим на медвежий рык голосом, – мне всегда интересно. Что пить будешь?

Макарин стащил с пальца перстень, положил на стол. Хозяин поднял его толстыми пальцами, пригляделся к собачьей голове на печатке. Вернул обратно.

– Слепой стал. Не узнаю людей с Разбойного приказа. Давно вас не было.

– Дел нет, и нас нет, Угрюм.

– А теперь стало быть, дела появились?

– Стало быть.

Угрюм покивал задумчиво. Мельком указал служкам на почерневший потолок. Наклонился к Макарину.

– Наверху комнатка тихая. Еду там накрою. Позднее сам приду. Не надо, чтобы нас вместе долго видели.

Лестница, ведущая на второй этаж, была темной, узкой, с закопченными стенами и продавленными ступенями. Тихая комнатка оказалась каморкой с маленьким закрытым оконцем и несколькими коваными сундуками вдоль бревенчатых стен. Почти всю ее занимал огромный тяжелый стол из рассохшихся дубовых досок.

Пока Макарин ждал хозяина, ему успели принести кувшин хмельного меда, немного хлеба и кусок жареной оленины.

Угрюм явился, когда меда уже не было, а от мяса оставались одни кости. Поставил на стол маленький графин мутного стекла и две маленькие деревянные чарки.

– На, испробуй. Берегу для особых гостей. Водка, финиголевая. Прямо из Аптекарского приказа. Всю усталость как рукой снимает. Старый воевода привез, да помер, а ее мне отписал.

Угрюм плеснул темную жидкость по чаркам, подвинул одну Макарину, проворчал «С прибытием», опрокинул в рот, не дожидаясь дьяка. Макарин отпил медленно, с достоинством, на франкский манер, как учили его еще в Посольском приказе. Водка была сладковатой, и на вкус напоминала какие-то давно позабытые с детства привозные фрукты.

– У нас тут еды не очень много, – сообщил Угрюм, – но если хочешь, харчевня неподалеку. Говори, челядь сбегает.

Макарин помотал головой.

– Не до еды. Давай ближе к делу. Утром к воеводе, а еще бы выспаться не мешало.

– К делу, так к делу. Но навряд ли я тебе сильно полезен буду. Как занялся кабаком, так и времени никакого не осталось. К тому ж от вас последний подъячий аж при Борисе приезжал. Лет шесть прошло. Я решил, что и не нужен вам больше.

– Работа у тебя такая, что и делать ничего не надо. Знай, держи уши раскрытыми.

– Я и держу. Но судя по серебру на печатке, ты не последний человек в Приказе? Что привело в наши края аж целого дьяка?

– Пропавший караван.

– Их здесь много пропало за последние годы. Ты о каком?

– Три малых коча. Ушел прошлой осенью.

Угрюм задумался.

– Прошлой осенью пропало два каравана. Один на обской излучине, но его вогульские князьки приняли, это еще тогда стало известно. Воевода с Березова, помню, целый месяц за ними гонялся. А второй чуть позже. Степан Варза у них был за главного.

– Это он. Что знаешь?

Угрюм помялся, почесал лысину. Макарин наблюдал за ним искоса, стараясь не пялиться в упор, но примечать все детали.

– Да ничего особенного и не знаю. Варза этот – мелкий кряжистый мужичонка, из поморцев. Малые кочи, да. Числом три штуки. Помню, еще удивился, почему они выбрали малые кочи вместо обыкновенных торговых. Но подумал, раз главный поморец, значит и кочи малые. Эти полудикари любят все мелкое, – Угрюм засмеялся.

– И много ли было в этом караване поморцев?

– Вот не знаю. Может и еще кто, кроме главного. А может и нет. Поморцев тут за хороших капитанов держат. Море знают, отмели, камни. Бури им не страшны. А так, не любят. Скрытный народец. Всегда на отшибе. Почти как вогулы с юграками, только одеты по-нашему и говорят понятно.

Все это Макарин уже слышал. В Тобольске, у тамошнего воеводы, который был уверен, что в пропаже каравана виноват его поморский главарь. «Помяни мое слово, Семен, как приедешь туда, так и поймешь, что хуже поморца врага не бывает. С виду наш, а внутри дикарь сидит и над тобой смеется. Не удивлюсь если они вместе с самоядью человечинкой питаются.

Загнали караван в дебри, товар поделили, людей сожрали. И все дела». Макарин тогда глубокомысленно покивал, однако помнил, что воевода по молодости сидел пару лет в Холмогорах и вылетел оттуда с треском после жалоб поморской общины на воровство и самоуправство. Это было самое трудное в подобных делах – разбираться в запутанных связях, выискивать тайные факты из прошлого всех встречных и поперечных, помнить каждый прокол, способный повлиять на их мнение. Сколько времени можно было бы сэкономить, если знать про всех всё. И всё помнить. Но все помнить невозможно, поэтому Макарин таскал с собой в поездках маленькую книжицу чистой бумаги, куда по вечерам мелким почерком записывал все главные мысли и узнанные факты, способные помочь в деле. Записывал по порядку, скрупулезно, даже с сокращениями. Эту особенность он позаимствовал еще десяток лет назад, в посольских поездках к немцам и с тех пор исписал много бумаги, оттачивая мастерство каллиграфа и тайнописца. Теперь по нескольким значкам и условным обозначениям он мог воспроизвести в памяти целые многочасовые беседы. Иногда, будучи в московском доме, он доставал из сундука свои старые записи и перечитывал их, вспоминая во всех подробностях давно минувшие дела. Количество книжиц в сундуке уже приближалось к двадцати, по книжице на каждое более-менее крупное дело. Чистыми книжицами его снабжал печатный двор в благодарность за давнюю помощь. В нынешней были исписаны всего пара страниц. Сведения о городе и окрестностях, биографические данные воевод, кое-какие сказки о местных дикарях, примерная численность, внешний вид у разных племен (чтобы в случае чего не перепутать). На отдельной странице были версии. Пока две. Виновен глава каравана Степан Варза (сговорился с земляками, увел в тайное место). Виновна внезапно разразившаяся буря.

– Поморцы и впрямь такие хорошие капитаны, как о них говорят? Мне по дороге сказывали, что в этих местах на море часто бывают бури. Варза мог не справиться с бурей?

Угрюм усиленно помотал головой.

– Варза ходил сюда еще при Федоре, когда здесь ни острога, ни воевода не было. Буря для него как для нас с тобой летний дождик. К тому же, не было тогда бури. Хорошо помню тогдашнюю погоду. Тихо, ни ветерка. Приходящие купцы рассказывали, что вода была как зеркало. Да и следов никаких не нашли. Любые обломки на этом пути тут же прибывает к берегу. В этот раз не было ничего. Целый месяц, помню, искали. Старший воевода аж сам ездил. Остатки давних крушений находили, кочи сгнившие, тюки с жижей, которая когда-то хлебом была. А от Варзы ничего. Нет, дьяк. Забудь про бурю.

Макарин мысленно вычеркнул из книжицы версию номер два, немного расстроившись. Скорого раскрытия дела пока не получалось.

– Если хочешь знать мое мнение, – продолжил Угрюм, – тут без людей не обошлось. Может и Варза, может и юграки какие сумасшедшие, может вогуличи с юга добрались, бывает иногда такое. А может и...

Тут Угрюм вдруг осекся, встал из-за стола, выглянул на лестницу, плотно прикрыл дверь, сел ближе и прошептал, наклонившись.

– А может и воевода...

Макарин удивленно глянул на старика.

– Не старший конечно. Младший. Ты ж знаешь, у нас их двое. У каждого вроде бы власть одинаковая. Только старший Троекуров сидит тут пять лет, все уголки наизусть знает, власть держит крепко. А младшего прислали аккурат год назад, перед исчезновением каравана, на смену умершему Зенцову... Эх, хороший был воевода, любезный, водку мне отписал, – Угрюм снова разлил по чаркам. – И вот младший с тех пор здесь и куролесит...

– Григорий Кокарев, – сказал Макарин. – Бывший окольничий с Казанского приказа.

– Да. Он. У нас тут, дьяк, с его появлением целая внутренняя война началась. Прямо как у вас в Москве... Как там кстати? Царь-то хоть появился? Кто? Ляха выбрали? Или невинно-убиенного? Он, говорят, и в прошлый раз выжил?

– В этот раз не выжил, – хмуро ответил Макарин. – Еще зимой вора прибили. Но кто его знает, может опять оживет. С другой личиной. Сложно все в Москве. Давай дальше. Что там Кокарев?

– Эх, плохо без царя, дьяк, – закручинился Угрюм. – Никакого порядка, считай. Один раздрай. Ты ж понимаешь, у меня кабак государев. А всем здешним промысловым, рыбакам, купцам и особенно поморцам одно раздолье. Делай что хочешь... А Кокарев этот со своими казаками только масла в огонь подливает.

– Как?

– Гостиный двор себе забрал, казаков по всему посаду расставил. Казаки острожных стрельцов задирают. Каждый день у них драки. Говорят, человек десять уже погибло. Стрельцы из острога стараются лишний раз не спускаться. А когда спускаются, то не по одиночке. Всю торговлю мне испоганил. Сам часто заходит, то сидит вусмерть напивается, то ищет чего. Говорит, мол, я брагой на сторону мимо казны торгую...

– Торгуешь?

Угрюм перекрестился с деланым страхом.

– Да как можно?

Макарин по глазам видел, что можно, но сейчас это было не его дело. Грызня меж воеводами была распространенной проблемой. Москва на новые земли часто назначала двух воевод с одинаковыми полномочиями, по примеру давно вымерших римлян и их консулов. Считалось, что двое в постоянном соперничестве лучше управятся, чем один, который сразу начнет считать округу своей личной вотчиной. Но иногда соперничество перерастало в открытую вражду и достоинство системы становилось недостатком. Если Угрюм говорил правду (а судя по опасливым стрельцам на пристани так и было), то любой государев дьяк с такими полномочиями как у Макарина, оказавшийся в городе, был обязан доложить. А Казанский Приказ, ведающий делами всех новых земель, был обязан заменить воевод. Теперь гостеприимство Троекурова становилось понятным.

– Что они не поделили?

– Да кто их знает... Может личное что. А может и государево. Троекурова еще Годунов ставил. А Кокарев то ли из партии царя Василия, то ли бояр московских. Бумаги то царь ему подписал, но будет ли он отправлять своего человека в наши тьмутаракани, если это действительно его человек? К тому же казаки у него...

Угрюм замолчал многозначительно.

– Что?

– Неправильные казаки у него, дьяк. Воровские. На вид место им не на государевой службе, а в Диком поле, среди бунтующих холопов. И ведут себя так же. Полагаю, что и караван тот они умыкнули. Разбойники, как есть.

Макарин хмыкнул. Угрюм явно был обижен на младшего воеводу с его казаками. То ли брагу заставляли бесплатно отпускать, то ли еще что. На объективность единственного мангазейского осведомителя рассчитывать не приходилось.

– Зачем им этот караван? Пушнина понадобилась?

– Э-э, дьяк, – Угрюм хитро прищурился, что из-за шрама у него получилось как-то зловеще. – Пушнина тут не причем. Пушнины в том караване было не так и много. Я не знаю точно, что там было. Да и никто не знает. Караван собирали не на пристани, а за посадом у леса. По ночам, так чтобы ни одна живая душа, кроме участников ничего не видела. Варза даже нанял кого-то, чтоб зевак отпугивать. Но мне сказывали, будто те купцы с Варзой нашли что-то в пустошах. Что-то очень ценное. Говорят, золото. Это золото они и везли. Сам подумай, стали бы тебя сюда посылать, ежели речь шла о пушнине? Нет, дьяк, здесь дело серьезнее.

То, что караван вез не совсем пушнину или совсем не ее, было и так ясно. А вот про золото Макарин услышал впервые.

– Кто рассказывал про золото, имена помнишь?

– Да кто только не рассказывал. С пьяных-то глаз. В наших краях любят таинственные истории. Может и ввали. А что, дьяк, тебе и в Москве не сказали, что вез караван? Там у вас наверняка кто-то знал.

Наверняка. Но у Макарина было серьезное подозрение, что даже приказной судья не знал ничего. Вручил плотно перевязанную бумагу, скрепленную красной восковой печатью, с наказом передать старшему воеводе. Пробормотал что-то вроде «На месте все узнаешь». Печать была государевой, с орлом и Георгием, стало быть накладывал ее не меньше чем глава боярской думы. Какое дело было ему до далекого города, каравана, пушнины и даже золота? Тем более сейчас.

– Одно знаю, – продолжил Угрюм. – Перед самым уходом каравана, рядом с кочами видели казаков. По крайней мере Одноглазого точно. Его ни с кем не спутаешь.

– Кто это?

– Один из десятников Кокарева. Страхолюдная рожа, надо тебе сказать. Забрался, говорят, на утес и наблюдал за погрузкой. С утеса-то как раз все было видно. Найди его, авось что интересное и расскажет.

Снизу, из питейного зала, раздался какой-то шум, грохот сдвигаемых столов, крики. Угрюм нехотя поднялся.

– Опять до боя напильсь. Пойду разнимать. Можешь у меня остаться, места хватит. Я скажу, чтобы постелили.

Он вышел из комнатки. Крики стали громче, раздался громкий треск, словно кем-то выбили входную дверь. Казалось, орали все посетители кабака разом.

Макарин допил водку, встал, чувствуя легкое головокружение, выглянул в темный проход, натолкнулся взглядом на какую-то чумазую горничную, семящую с ворохом одеял. Девка неуклюже поклонилась, пробормотала что-то, краснея, бочком протиснулась мимо и побежала дальше. Макарин проводил ее глазами, оценивая плотный круглый зад, обтянутый сарафаном из качественной ткани. Девка была бы сейчас кстати. Макарин до сих пор вспоминал пару последних ночей в Тобольске, когда воевода подложил ему одну из своих дворовых, а ведь прошел уже почти месяц. Но драка внизу была важнее. Макарин не любил драки, но наблюдая за ними можно было многое узнать о городе. Люди с боя выкрикивали и выбалтывали зачастую такие вещи, которые умудрялись скрывать в себе даже после выпитого ведра браги или в подвале у мастеров дознания.

Он нашел в углу суковатую толстую палку, перехватил ее поудобнее и стал спускаться по лестнице.

Драка оказалась мимолетной и уже заканчивалась. Питейный зал был наполовину пуст, только у стойки да в дальнем конце еще обменивались ленивыми ударами несколько мужиков в порванных рыбацких дерюгах. Старик Угрюм с парой высоченных мордovorотов-помощников растаскивали их по углам, где копошились, пытаясь встать, основные силы недолгого сражения. Судя по одежкам и пьяным выкрикам, в бою сошлись рыбаки с торговцами, что было обычным делом. Одни ловили рыбу, другие ее продавали, безбожно занижая закупочные цены. Несколько столов было перевернуто, одна скамья разломана. На полу блестели лужи и валялись черепки. В одной из луж стоял, пошатываясь, давешний купец в дорогом кафтане с меховым воротником и осоловело смотрел на Макарина. Купец опять попытался что-то сказать и у него опять ничего кроме мычания не получилось. Макарин осторожно обошел его стороной, перешагнул сорванную с петель дверь и вышел наружу.

Ночь была прохладной и темной. На башне медленно бродили часовые с факелами. Где-то надрывались собаки. У лошадиной поилки валялась парочка уползших из кабака побитых пьяниц. Единственный сонный конь, привязанный к столбу рядом, всхрапывал и толкал одного из них копытом. Конь был расседлан, но судя по разукрашенной узде принадлежал человеку,

любящему выбрасывать деньги на показуху. Макарин подошел ближе, пригляделся к странным металлическим бляшкам на уздечке, и не сразу заметил метнувшиеся к нему сбоку тени.

Первый удар был в голову, чем-то тяжелым и коротким, вроде шестопера. Макарин успел пригнуться, сваливаясь в бок и вжимая голову в плечи, так что железо прошло по касательной, рассекая ухо. Он резко отмахнул в сторону суковатой дубинкой, единственным сейчас оружием (кинжал, сабля, легкие доспехи, ручница, все осталось на корабле), и по хриплому воплю понял, что попал. Один из нападавших рухнул рядом, зажимая колено, и Макарин успел увидеть клочковатую бороду, разинутый рот с гнилыми зубами, казачью шапку, прежде чем пришлось вскакивать на ноги, выставляя вперед дубинку. Второй нападавший махнул саблей, не приближаясь. Он был в тени, лица было не разглядеть.

– Зря ты сюда явился, – прохрипел он Макарину. – Теперь все умрут. Теперь все намного хуже станет.

– Кончай его, чего болтаешь! – первый казак пытался встать, опираясь на булаву.

– Кто вы такие? – насколько мог вежливо поинтересовался Макарин. С палкой против булавы и сабли шансы были маленькие. Приходилось тянуть время. – Вы знаете кто я, и что с вами будет за это нападение?

Второй хмыкнул, не отвечая. Он медленно двинулся вперед и вбок, поигрывая саблей и стараясь держаться перед светом.

Первому все-таки удалось подняться и теперь он, сгорбившись и хромя, пытался зайти сзади. Макарин понял, что его отрезают от кабака, откуда лился неверный свет и продолжали доноситься редкие звуки потасовки. Можно было бы крикнуть, позвать на помощь, Угрюм с его мордоротами явно был недалеко. Но от самой этой мысли Макарина передернуло. Чтобы он, дьяк Разбойного Приказа, позволил себе такое, пусть и разумное, но все-таки малодушие...

– Ты, государев человек, лучше не сопротивляйся, – сказал тот что с саблей. – Больше будет. Кромсать придется, долго умирать будешь. А так мы быстро. Голову отсечем и все дела.

Он вдруг сделал выпад, взмахнув клинком снизу-вверх. Макарин откатился в сторону, ближе к темноте, что начиналась за углом питейной избы. Если путь в кабак перерезан, можно было попробовать либо нырнуть в темноту проулков, либо побежать через площадь, к башне и часовым. Но бежать было стыдно, а здешних проулков Макарин не знал. Пытаясь оценить ситуацию, он пропустил момент, когда первый казак, кинулся сбоку ему в ноги. Резкая боль от удара булавы пронзила голень. Падая, Макарин успел увидеть, как второй выскочил на свет, заноса над головой саблю. Длинное безбородое узкое лицо с висячими усами было перекошено, то ли от ненависти, то ли от массы уродливых шрамов. На месте одного глаза зияла рваная черная дыра. Падающий из дверного проема свет вдруг померк, и Макарин увидел, как чья-то грузная туша спрыгивает с крыльца вниз, поднимает руку. Яркая вспышка ослепила глаза, тишину разорвал грохот. Булава выпала из рук ближайшего казака. Его голова лопнула, точно гнилой орех, заливая все вокруг кровью и ошметками мозгов. Оставшийся в одиночестве одноглазый кинулся в сторону и быстро исчез в темноте.

Спаситель приблизился медленно, отступаясь и пошатываясь, сжимая обеими руками дымящийся короткий самопал, и Макарин узнал давешнего купца в дорогом кафтане с меховым воротником. Тот подошел вплотную, остановился, пытаясь сфокусировать разбегающиеся глаза. Купец был невероятно, мертвецки пьян. Наконец он открыл рот и заплетающимся языком произнес:

– Я ж сказал. Тебя жду. А ты сбежал. Почто? Ты должен был получить... получить мое письмо... там, на Москве, я отправил тебе своего человека... и письмо... Ты получил письмо?

Макарин осторожно, морщась от боли в ноге, поднялся.

– Я не получал никакого письма, кроме грамоты с государевой печатью, которую точно писал не ты. Ты меня с кем-то спутал, купец. Как твое имя?

Купец нахмурился, как любой пьяный, пытающийся осознать непонятные слова.

– Купец? Почему купец? Где купец? – он попытался оглядеться, но не удержался на ногах, рухнул на спину и тут же захрапел.

– Что здесь произошло? – от крыльца подбежали старик Угрюм и один из мордovorотов.

– На меня напали, – сообщил Макарин. – Я цел, но кажется повредил ногу.

Угрюм медленно обошел убитого казака.

– Человек Кокарева, один из мелких.

– Да. А второй кажется был тем самым Одноглазым, про которого ты рассказывал. Он сбежал. Мне нужно срочно к Троекурову. Нападение на государева дьяка – это уже не разборки казаков со стрельцами. Второго воеводу Гришку Кокарева нужно немедленно лишить полномочий и посадить в острог. Отправим его в Москву ближайшим караваном. Всех его казаков срочно разоружить. Если бы не этот человек, – Макарин указал на храпящую тушу, – меня бы зарубили, как свинью. Он убил одного, спугнул другого.

Угрюм подошел ближе, но, увидев купчину, встал как вкопанный.

– Кто это? – спросил Макарин. – Ты его знаешь?

Угрюм в явном недоумении почесал лысый затылок.

– Знаю, дьяк. Еще бы не знать. Странно конечно... Но это и есть воевода Гришка Кокарев. Собственной персоной.

Макарин удивленно посмотрел на булькающего, хрипящего, свистящего, что-то бормочущего во сне воеводу. Государев дьяк гордился своим чутьем, которое часто помогало ему в сложных делах. Теперь это чутье подсказывало, что темная история с пропавшим караваном на самом деле еще темнее, чем кажется.

3

– Погоди, Макарин, – старший воевода Троекуров снова прошелся от окна к столу, заложив руки за спину. – Я правильно понял, пьяный Гришка снес башку своему же человеку?

– Получается так.

– Всегда знал, что у него бардак в ватаге, но, чтобы до такой степени... Где он сейчас?

– У старого Угрюма, отсыпается.

– И что делать будем?

Макарин пожал плечами.

– Пока ничего. Был бы Кокарев бунтовщиком, тогда дело понятное. Но бунтовщику не к месту спасать государева дьяка. И тем более убивать собственных людей. Бардак у него судя по всему знатный. И сам он пьянь сивая. Но у меня пока мало знаний на этот счет. Буду собирать.

Воевода шагнул ближе.

– Это все хитрость его, Гришкина. Это он специально подстроил, своих разбойных тебе послал, а потом сам явился в виде спасителя.

Макарин вспомнил еле стоящего на ногах Кокарева с пьяной улыбкой и осоловелыми глазами.

– Не думаю. Мертвецки пьяным на такие дела не ходят. Но возможно его авторитет подорван у собственных людей, и они делают что хотят. А значит он не может исполнять свои обязанности.

– Он их давно не исполняет, – буркнул Троекуров.

Старший воевода был сед, широк в кости, ходил переваливаясь, как подбитая утка. Одет он был в старый персидский халат, расшитый потускневшими сказочными существами и подбитый изнутри свежим соболиным мехом. Халат лоснился на локтях, был неоднократно штопан и производил странное впечатление в сочетании с огромным золотым перстнем на левой руке. Троекуров был человеком далеко не бедным и такие халаты мог менять каждый год. Подарок покойницы жены? Или память о далекой юности, когда ходил на юг в посольстве? Или наивный посыл приезжему дьяку, мол, вот мы здесь какие бедные, ни копейки государевых денег не берем, все до дыр донашиваем? Тогда зачем золотой перстень?

– Я поговорю с Кокаревым. Но меня не за этим сюда прислали.

– Да, – Троекуров отошел обратно к столу, где были разложены бумаги, карты и где еще нераспечатанным лежала привезенная Макариным из Москвы грамота. – Конечно. Я тебя не тороплю, дьяк. Твое дело прежде всего.

Он повертел в руках грамоту.

– Хотя я и не понимаю, зачем ради какого-то каравана присылать сюда дьяка Разбойного Приказа... – Он присмотрелся к печати. – Мне этот караван еще при его сборе много крови попортил. Веришь ли, перекрестился, когда услышал о его пропаже. Все к этому шло.

– Почему?

– Да не бери в голову. Слухи какие-то, сказки. Будто бы Варза притащил что-то из лесов такое, из-за чего рядом с караваном после заката опасно было находиться. Какое-то колдовство. Люди боялись за ворота выйти. Пара детей пропала. По ночам в ту сторону вообще никто не ходил. А однажды от того холма, где они караван собирали, вдруг такой вой донесся... Сам слышал. Незадолго до восхода, темно еще было. Вышел во двор до ветру, а тут... В общем жутко. – Троекуров потрянул головой. – Ладно. Глупости все это. Наверное, это больной волк был. Да и слухам со сказками тоже веры никакой. Тут у нас поморцев много в то лето было, они любят по вечерам жуть наводить рассказами. Я так решил, что Варза с компанией сами

эти слухи специально распускали. Чтобы никто к каравану не совался. Даже самому стало интересно, пошел к ним. Не ночью конечно.

– И что?

– Да ничего. Караван как караван. Три малых коча, набитые пушшиной. Ящики какие-то с добром. Ничего особенного. Люди вот только...

Троекуров замялся, поколупал печать.

– Что люди?

– Варза нанял для охраны откровенных головорезов. Я таких даже на Дону в свое время не видел. Какие-то оборванцы с промыслов, казаки непонятные, наемные вогулы в шкурах. Сборная солянка, где каждый соседу глотку перегрызет и даже не задумается. Я его еще спрашиваю тогда, Варзу, а ты, купец, не боишься с такой командой в поход идти? Он только посмеялся. Сказал, как раз с такими не боится. В общем, ты считай как хочешь, но эти его охранники караван и грабнули. Добычу по вогульским городкам запрятали, а сам Варза уже давно рыб кормит. Вот такое мое, дьяк, мнение.

Троекуров продолжал мять в руке письмо и до Макарина вдруг дошло, что воевода не хочет его вскрывать. То ли боится, то ли хочет прочесть в одиночестве, то ли еще что.

– Кстати, один из варзовских охранников мне до сих пор помнится. Здоровенный мосластый детина. Рожа длинная, заросшая, глаза водянистые на выкате, в драке однажды пятерых рыбаков изувечил в одиночку. Стрелял, говорят, без промаха, саблей лучше крымчака махал. Рассказывали, что был стрельцом у самозванца, но что-то с кем-то не поделил и подался сюда. Варза его назначил кем-то вроде начальника над своей охраной. Мы его Хоэром звали.

– Как?

– Хоэром. Он шибко девок любил, и как схватит какую, так и приговаривает «пошли со мной, хоэр, хорошо будет, хоэр». Вроде как рыгает так или ругается. Вот его Хоэром и прозвали.

Макарин долго молчал, переваривая информацию. То, что с караваном в качестве главного охранника ушел некто, употреблявший слово «хоэр», меняло разом всю картину, делая ее слишком невероятной. Даже невероятнее колдовства и жуткого воя на рассвете.

– Ты уверен, что этот детина говорил именно «хоэр»? Может похожие слова есть у здешних дикарей? Или поморцев?

Троекуров замялся.

– Да не знаю. Вроде «хоэр». Может и нет. А это что, важно?

– Может и нет, – повторил за ним Макарин. – Ты, воевода, скоро из государевой грамоты мятую тряпку сделаешь. Если хочешь, чтобы я ушел, так и скажи. Мешать не буду.

Троекуров натужно рассмеялся.

– Да нет. Не думаю, что там тайну какую не для твоих глаз написали.

Он сломал печать и развернул плотную бумагу. Руки у него мелко дрожали. Макарин наблюдал, как он читает и как меняется выражение его багрового лица в мелких трещинах и темных пятнах. Когда воевода добрался до конца, весь его бугристый лоб покрывали бисеринки пота.

– Значит так... – Наконец произнес Троекуров. – Так... Все как я и думал. Дело, дьяк, серьезное. Если что пойдет неправильно, и ты головы не сносишь.

Он протянул Макарину письмо.

Это было стандартное послание московской власти своим наместникам. Разве что подписанное не царем и великим князем, и даже не патриархом, чьим именем с недавних пор прикрывались все действия сидящей на Москве боярской власти. Макарин уже видел такие письма, лаконичные по духу времени, без витиеватых прошлых регалий и оборотов.

«От первого боярина князя Федора Ивановича Мстиславского воеводе Мангазейского города Троекурову Ивану Михальчу.

Дошло до нас от знающих людей, что рядом с вверенными тебе землями был найден предмет, важный для нашего государства и его спокойствия. Что это за предмет мы в точности сказать не можем, ибо человек поведавший нам о нем, скончался у дознавателя, не успев рассказать обо всем подробно. Известно лишь, что к его находке имеет отношение некий поморский ватажник Степка Варза, а оный Степка ушел с людьми на Тобольск, но пропал по дороге. Сообщаем тебе, что предмет этот должен быть найден, за что отвечаешь головой. Для розыска посылаем дьяка Разбойного Приказа Макарина Семена, оказывай содействие ему во всем. Буде не справитесь оба, висеть будете на одной дыбе. А еще сообщаем, что, по заверениям наших европейских посланников, есть немецкие люди, заинтересованные в том, чтобы отдельно от нас найти дорогу к твоему Мангазейскому городу, для чего в дальней Неметчине да в Соединенных Провинциях уже готовят корабли к плаванию в ледяных водах. А также набирают в команду людей с боевым опытом. Людей тех насчитывают от двух до трех сотен. Когда ты читаешь это письмо, плавание их уже началось. Помощи прислать не можем, ибо сил в государстве нашем недостаточно, о чем ты без сомнения и так знаешь. Но не сомневаемся, что ты справишься своими силами. И ежели справишься, быть тебе воеводой там, где пожелаешь.

Князь Федор Иванович Мстиславский в согласии с Патриархом московским и всея Руси Ермогеном. Писано на Москве лета 7119-го мая в 22 день.»

Троекуров приложился к кувшину с клюквенной водой. Выпил жадно, стер рукавом халата потеки с бороды.

– Ну что скажешь, дьяк? Ожидал такого?

Макарин прошелся по комнате, слушая скрип досок.

– Странное письмо. Если тебя испугали дыбой, то можешь утешиться. В последнее время бояре такие обещания направо и налево раздают. Без угроз ничего не работает. К тому ж патриарх, на кого князь ссылается, с весны у ляхов в заточении. А вот все остальное... Что за предмет? Если о нем ничего не известно, то почему он важен? Какой предмет может заставить боярство на Москве всполошиться? Ты точно мне все рассказал?

– Все что знал! Но меня, знаешь ли, не дыба и не предмет пугает. Пойдем-ка наружу, Макарин, покажу кое-что.

Троекуров накинул поверх халата темно-зеленый, некогда роскошный, а теперь сильно потрепанный кафтан, толкнул дубовую резную дверь. Они спустились вниз по узкой лестнице, мимо стрельцов в караульной, вышли во двор. Троекуров целеустремленно похромал к крепостной стене. Макарин двинулся следом, осторожно ступая на больную ногу и не забывая разглядывать окрестности. Стена огораживала широкое четырехугольное пространство, внутри которого умещались два воеводских двора, разграниченных между собой низким забором. Один двор занимал Троекуров, и тут кипела жизнь, бродили свиньи, бегали девки, похихатывали стрельцы. Второй двор принадлежал Кокареву, который уже давно сбежал на посад, и теперь его двор постепенно зарастал бурьяном. Рядом с главной дорогой, ведущей к проездной башне и посаду за ней, высилась деревянным шатром соборная церковь, у входа на скамейке сидел круглый краснолицый батюшка и зевал.

– Доброго здоровьяца, Иван Михалыч! – раскатистым басом крикнул поп Троекурову, привставая.

Троекуров не ответил, а даже припустил быстрее. Они подошли к низкой оружейной избе, от которой кисло несло порохом. Троекуров махнул рукой стрельцу на страже, толкнул тяжелую дверь. В избе царила полутьма, но Макарину удалось рассмотреть полупустое помещение. Пара десятков бочонков у дальней стены. Несколько ящиков с ручным оружием. Несколько выстроенных алебард. Сложенные в углу промасленные свертки с самопалами.

– Видишь, – спросил Троекуров. – Негусто, так? И это все единственные запасы. Тут пороха всего с десяток пудов. Все ведь думали, что мы будем воевать с дикарями в оленьих шкурах. Мне в Тобольске всего две пушки выдали, сказали, для дикарей хватит. А люди?

Троекуров вышел с избы, развел руками, будто пытаясь обнять крепость с бродящими по ней свиньями, несколькими стрельцами и попом на завалинке.

– У меня полста людей. У Гришки и того меньше. Ближайший отряд – в Обдорской заимке, да и там служивых кот заплакал. Можно послать гонца на Туруханское зимовье, но это еще десять человек. И всё. – Троекуров посмотрел на дьяка, глаза его слезились. – И что мы будем делать, если сюда нагрянет флотилия немцев с тремя сотнями головорезов?

– Это не совсем немцы, – тихо сказал Макарин.

– Что?

– В письме сказано о Соединенных Провинциях, то есть Голландии. Это не совсем немцы.

– Да какая разница! Немцы, фрязи. Что делать-то будем? Вот ты же через Тобольск добирался, мог бы взять там хотя бы сотню стрельцов ради такого дела.

– Не мог. Я не знал о содержании грамоты. Да и не дал бы мне никто никаких стрельцов. Там воевода Салтыков аккурат за год до того еле от татарвы отбил.

Троекуров молчал. Макарин рассматривал крепостные стены. При дневном свете было видно, что качество укладки оставляет желать лучшего. Бревна часто попадались с трещинами, между ними виднелись просветы. По уму, следовало бы их засыпать утрамбованной землей, но видимо в Мангазее с землей было туговато.

– И земля тут мерзлая, – понял его взгляд воевода. – Толком даже ров не выкопашешь и вал не насыплешь. Пойдем дальше, раз уж вышли. Покажу свои владения.

Они прошли до ворот, но не стали выходить на посад, а повернули в сторону реки, по узкой тропке вдоль стены, мимо бесконечного ряда государевых складов.

– А тут что?

– Запасы. Зерно, соленья, овощи. Тут же не растет ничего. Все привозим караванами. Ежели караванов вдруг не станет, придется на одном мясе сидеть, да и его воровать у самоедов.

Дойдя до угловой башни, Троекуров лихо для человека его комплекции вскарабкался наверх.

Они стояли над городом. Отсюда, с башни, была видна вся Мангазея, сотни домов, десятки мастерских. Амбаров, складов, лавок. Широкие мощенные досками улицы, колокольни церквей, шум торговой толпы на пристани. Речная гладь сверкала на утреннем солнце и покачивались на волнах бесчисленные корабли.

– Всё это стоит огромных денег, – тихо сказал Троекуров. – Это центр всей здешней земли, на сотни верст в округе. Можешь скакать месяцами в любую сторону, но не увидишь ни одного города. Тот, кто владеет им, владеет всем здешним богатством. Вон там, – он махнул рукой на восход, в сторону низко висящего над горизонтом солнца, – бесконечные леса, полные пушнины. Любой приезжий промысловик может разбогатеть за одну зиму, вернуться домой и денег ему до скончания века хватит, а то и внукам останется. То, что здесь валяется под ногами, во внутренних землях идет на вес золота. А в других странах и того дороже.

Макарин смотрел окрест. Утренняя дымка скрывала лес, но его темень угадывалась сквозь нее, будто надвигающаяся беда. Там, где кончался шумный город начиналось мрачное безмолвие, которое окружало город будто бесчисленное вражеское войско. В какой-то момент туман поредел, и сквозь него Макарин увидел далеко-далеко, на грани восприятия, тусклую равнину, испещренную бурыми пятнами, будто озерами запекшейся крови. Его передернуло, и он посмотрел в другую сторону, за реку. И увидел редкие брызги корявых зарослей, а за ними бескрайнюю холмистую пустошь, укрытую серо-зеленым моховым одеялом. Только иногда, если приглядываться, среди пустоты сверкали мелкие искры озер.

За рекой была еще ночь, но где-то там, далеко на закате, в четырех месяцах пути, были другие города, была зелень садов, теплые реки и голубое небо. А здесь была только она, Мангазея. Крохотный кусочек людского мира посреди темного бесчеловечного океана, населенного дикарями и воющими по ночам чудовищами.

Только сейчас до Макарина дошло, что воевода продолжает что-то говорить.

– ...и вот я не понимаю! Как? Скажи, как мне все это защитить от трех сотен поганой немчуры? Собственными средствами!

Троекуров замолчал, тяжело отдуваясь. Потом сказал.

– Одна надежда, что они нас не найдут. Тут места укромные, рек много, в какие из них заходить и как идти никто из чужаков не знает. Просто потому что здесь никаких чужаков никогда не было.

Макарин внимательно посмотрел на Троекурова.

– Это не правда, воевода. Чужаки здесь были.

– Что ты мелешь! Кто тебе это сказал?

– Ты, воевода. Совсем недавно.

Троекуров пыхтел, ожидая продолжения. Дьяк вдруг почувствовал такую усталость, что ему стало все безразлично, пушнина, таинственные предметы, дикари, враги. Он нехотя продолжил, медленно подбирая слова:

– Я до разбойного приказа десять лет в посольском отслужил. За границей бывал. В Венеции, Риме, у франков, испанцев. В Англии не довелось, а вот у голландцев был, в Амстердаме. Дурацкий город, знаешь. Дома лепятся друг к другу, холодные, каменные, промозглые. Жить невозможно. Я там два года сидел, пытаюсь разобраться в их бардаке. Они тогда постоянно воевали, то с испанцами, то с франками, то с англами. Не могу сказать, что я их язык хорошо знаю. Но многие слова помню. Слово «хоэр» одно из них, воевода. Так в тех краях называли гулящих девок. Я жил у порта. И каждый день слышал, как вернувшиеся в город моряки радостно вопят «хоэр», «хоэр» направляясь в свои бордели... Твой длинный детина с водянистыми глазами – голландец. И он ушел от тебя в качестве главного охранника на пропавшем караване. А потому он наверняка знает, как добраться до Мангазеи. Да и та неведомая штуковина, выкопанная Варзой, из-за которой нас с тобой могут повесить, тоже, надо полагать, в его руках.

4

Днем угрюмова питейная изба была пустым и мрачным заведением. Брагой на вынос торговали с другой стороны двора, где даже ранним утром толпилось около десятка местных завсегдатаев. В чарочной ни посетителей, ни служек не было, и только сам Угрюм сидел за длинным столом и жевал краюху хлеба, макая ее в блюдо с молоком. Он поднял лысую голову и печально посмотрел на Макарина.

– Ушел воевода. Как проспался, так к нему налетели его казаки, он на них наорал и ушел. И на меня наорал. Сказал, что ты, дьяк, меня в острог запрешь.

– Если будет за что, запру. Где его искать?

Угрюм пожал плечами.

– Не знаю. Он мне не докладывает. Но возможно, он ушел разыскивать своего Одноглазого. Он же не помнит ничего спьяну. Мне пришлось рассказать. Как узнал про вчерашнее, так пообещал Одноглазому голову отгрызть. Сходи на гостиный двор, там у него изба стоит, казаки вечно пасутся. Может кто чего расскажет.

Макарин тяжело опустился на скамью. С утра его заселили в отведенную Троекуровым избу, которая оказалась добротным шестистенком, сложенным из толстенных бревен. Внутри была новая обстановка и вкусно пахло свежей древесиной, как в любом новом доме. После недолгой бани и обильной еды двое служек принесли с корабля сундук с его вещами. Теперь у Макарина под кафтаном была защитная стеганка, а на поясе висели короткий самопал и длинный нож в хорасанских ножнах. В последний раз при таком параде он ходил в Москве в пору драк с поляками.

– Скажи мне, Угрюм, только честно. Что ты знаешь о чужаках на Мангазее?

Угрюм пожевал губами.

– Смотря каких чужаках. Самоядь сюда редко заходит, обычно в пустоши остается. А если и заходит, то ясак сдаст и сразу обратно. Добиралась парочка вогулов, но они еще прошлым летом куда-то делись. Ничего предосудительного не знаю, хотя говорят, что местные дикари не прочь нам огненного петуха пустить. Ты об этом?

– Нет. Я о чужаках с далекого заката. Немцах. Фрязях. Англах. Слышал чего? Добирались они сюда? Может с караваном каким? Или еще как?

– Им сюда путь закрыт, дьяк, ты об этом не хуже меня знаешь. Если кто и забредет, то в остроге жизнь закончит. Зачем им это?

– А если тайно? Выдал себя за нашего и пробрался? Может слухи о ком были или подозрения какие?

Угрюм прищурился.

– Я тебя, дьяк, меньше дня знаю, а уже чую, когда ты чего не договариваешь. О ком ты спрашиваешь?

– С варзовым караваном ушел некий Хоэр. Может купец, может охотник. Длинный, мосластый, глаза белесые. Знал его?

Угрюм расхохотался.

– Конечно знал. О его подвигах вся питейная изба неделями говорила. То пятерым бошки расквасит, то десятерых уложит. Сильный бугай. А с чего ты взял, что он из немцев? Он рязанский, как я. Мне ли этот говор не узнать. Да и не купец он никакой с такими то ручищами. Весь в шрамах, с боевым топором не расставался, а он у него был тяжеленный. Если он купец, то я боярыня. Рассказывал, будто воевал с десяти лет. Такому немцу в наших краях делать нечего. Ему сейчас у Москвы самое место. Вот он туда, вроде бы и направился.

– Прозвище у него странное. Чужое. Как его на деле звали?

Угрюм нахмурился.

– А вот этого я, дьяк, не знаю. Все Хоэр, да Хоэр. Это у него, говорят, так в горле бурчало, когда он бабам юбки задирает. А так как задирает он их часто, то и прозвище прицепилось. Ты о нем не меня спрашивай. Здесь есть люди лучше его знающие. Вон, со двора пьянчуги стоят, среди них наверняка найдется парочка тех, кто с Хоэром частенько цапался. Или хотя бы Плехана спроси, поморца. Единственный, кстати, кто бился с ним на равных. Однажды оба чуть богу душу не отдали после такого. Сильно, помню, друг друга не любили, уж не знаю за что. Вот ему наверняка есть что рассказать. Он обычно все по лесам сидит, да к себе в Поморию ходит. Но сейчас вроде тут, в городе. Пospошай на пристани, где его найти, вдруг поможет.

Макарин посидел еще немного, выпил ягодной воды, поговорил с Угрюмом о городе да жителях, в надежде услышать хоть что-то полезное, но услышал лишь бабьи сплетни о ходаках и подстилках, рассказы о великом противостоянии между купчинами и рыбаками да слухи об осторожном попе, который якшается с самоедами, а возможно и сам немного язычник да идолопоклонник. Потом Макарин выбрался на задний двор, но большинство пьянчуг не вязали лыка, а те, кто был еще трезвым, ничего не знали. Один плюгавый мужичонка долго и нудно рассказывал о мордобое, случившемся с год назад между Хоэром и тремя охотниками. Мужичонка сверкал хитрыми глазенками, сыпал подробностями и явно безбожно привирал, надеясь на вознаграждение. Наконец, Макарин пресек его словоизлияния и направился к пристани искать поморца Плехана.

Но на пристани о поморце Плехане никто не знал.

Макарин до полудня бродил вдоль берега, заглядывая в склады, мастерские, расспрашивая приказчиков и купцов, спускался к причалам, где грудились плоские лодчонки рыбаков и промышленников, пытался разобрать десятки говоров с разных концов страны, то новгородские, то вятские, то южные пограничные. Остановил пару ранних гулящих девок, но те только хихикали, прикрывая рты платками. У корчмы с гордым названием «Речной змей» Макарин натолкнулся на бой кокаревских казаков с Троекуровскими стрельцами. Двое катались в грязи, мутузя друг друга пудовыми кулаками так, что кровавые сопли летели в разные стороны. Еще трое отмахивались саблями от четырех палашей, а один уже лежал в сторонке, пытаясь зажать рану в ноге. Макарин разнял дебоширов, строго пообещав в следующий раз посадить на хлеб и воду. Но ни те, ни другие ничего не знали о Плехане. Зато казаки сообщили, что их воевода меньше часу назад двинулся на восточный край города, где вроде бы видели Одноглазого.

Вскоре Макарин вышел на стрелку, там, где мелкая речушка, которую местные называли Мангазейкой, вливалась в широкую большую реку. Шумная работящая и праздная толпа осталась позади. Здесь было тихо, только скрипела оснастка пришвартованных кочей.

Борта большинства из них, почерневшие от времени и ледяной воды, были сильно ниже и выпуклее, чем корпус корабля, с которого сошел прошлым вечером Макарин. Их размеры были раза в два меньше, не было кормовой надстройки, была только одна мачта, и Макарин понял, что перед ним как раз тот вариант коча, который привыкли называть «малым». Некоторое время он рассматривал особенности этих судов, на подобных которым ушел год назад и не вернулся караван Степана Варзы. Отмечал круглый, почти яйцеобразный корпус, толстый накат многослойной обшивки, мощные для таких мелких кораблей системы крепления мачт и спущенных сейчас парусов. Он не заметил, как сзади к нему подошел какой-то старик и тихо сказал:

– Некрасивые корабли, правда?

– Почему? – не согласился Макарин. – Все что хорошо исполняет свое предназначение, всегда по-своему красиво.

– Это так, – одобрительно сказал старик. – Нет ничего лучше такого судна в холодных водах. Его не зажмет во льдах, потому что льдины его просто вытолкнут наружу. Его не опрокинет ветер, потому что с такими обводами он напоминает детскую неваляшку. Он не потеряет парус, потому что те, кто его строили, знают толк в креплении. Наконец, его можно просто

вытащить на берег и волоком дотащить до нужного места. Ни один другой корабль на все это не способен. Однако ж, он неказист. Черен да прост. А вы, низовые люди, очень любите всякие украшения. Поэтому плаваете на своих громоздких разукрашенных корытах.

– Ты поморец?

– Я поморец. Слышал, ты ищешь Плехана Шубина. Зря. Навряд ли он с тобой будет разговаривать.

– Со мной нельзя не разговаривать. Я дьяк Разбойного Приказа. Если со мной не разговаривать, то придется разговаривать с дыбой.

– Даже дыба иногда бессильна.

– Плехану Шубину есть что скрывать?

– Не знаю, навряд ли. Мы, поморцы, свободный народ, как, впрочем, и каждый, кто смог добраться так далеко на восход. Здесь обычно слабо работают угрозы. Каждый может быстро уйти в лес, где проще найти золото, чем человека. А у Плехана с московской властью связаны не очень хорошие воспоминания.

Макарин оглядел старика. Маленький, по плечо Макарину, сухой как ветка, седой как лунь. Его бледно-голубые глаза смотрели в одну точку, куда-то за спину Макарина, и тому показалось что старик слеп.

– И все-таки я хочу попробовать с ним поговорить. Где он?

– Где-то здесь. Но скоро снова уйдет к себе в леса. Говори мне, чего хочешь. Я ему передам.

Его зрачки вдруг дернулись, словно он что-то внезапно увидел. Макарин оглянулся и успел заметить, как кто-то перемахнул с борта дальнего коча на берег.

– Это он? Старик! Это Шубин?

Старик не ответил, и Макарин крикнул вдогон:

– Шубин! Стой!

Человек оглянулся, и Макарин увидел загорелое до черноты лицо и белые, выгоревшие волосы. Макарин машинально шагнул к нему, но тот вдруг согнулся, будто охотник, преследующий дичь, бросился в сторону и пропал в толпе на пристани.

– Пойдешь со мной, старик, – повернулся Макарин, но старика уже не было рядом.

Проклиная все на свете, поморцев, стариков, немцев, голландцев и собственное невезение, он двинулся обратно к пристани, выстраивая планы. Найти казаков и стрельцов, перекрыть все дороги, выставить дозоры, чтобы Шубин в леса не ушел, допросить старика.

И тут откуда-то издалека, со стороны восточного края города, донесся резкий грохот выстрела. Пристань замолкла, все повернулись в ту сторону, прислушиваясь. Некоторое время стояла мертвая тишина, только выл ветер и кричали взбудораженные чайки. Продолжения не последовало, и люди облегченно вернулись к своим делам, спорам, крикам, только кто-то на грани слышимости проговорил тихо:

– Споймал-таки Гришка своо одноглазого душегуба...

Макарин быстрым шагом свернул с пристани вглубь города и двинулся вдоль бесконечного ряда амбаров, складов и мастерских, туда, где стреляли.

Долго идти не пришлось. Бревенчатые стены по обеим сторонам вдруг кончились, и Макарин оказался на голом пригорке. Впереди, на соседнем холме, уже начинался густой лес, а внизу, там, куда вилась утоптанная дорога, виднелась старая приземистая изба. Изба была окружена низким забором, к которому лепились хозяйственные постройки. У снесенных ворот толпилось человек десять казаков с ручницами и саблями наизготовку. Некоторые из них прятались за забором, опасно поглядывая на избу.

Гришка Кокарев, воевода, пьяница и спаситель, стоял в воротах, широко расставив ноги и выпятив небольшое, но крепкое пузо. Кафтан его сиял красной и золотой вышивкой, шапка

была лихо заломлена на ухо, а сапоги блестели как зеркало. В руках у него была подозрительная труба, из которой он зачем-то внимательно разглядывал находящуюся в десяти шагах избу.

Когда Макарин спустился вниз, Кокарев сложил трубу и заорал:

– Одноглазый! Выходи, кому говорю, мне ждать надоело! Пушку прикачу, всю избу на щепки изведем!

Со стороны избы что-то невнятно промычали.

– Выходи, говорю, хуже будет, – крикнул Кокарев, обернулся, увидел Макарина, – А, дьяк. Это хорошо. Это ты здесь вовремя... Одноглазый! К тебе вчерашний дьяк пришел, спрашивает, пошто убить его хотел? Отвечай, ирод!.. – он повернулся к Макарину. – Извиняй, дьяк, мой недогляд. Сам понимаешь, казаки, кровь горячая, но то что на целого дьяка замахнулись, это моя вина... Хочешь, отвечу.

– Сперва его оттуда выкурить надо, – сказал Макарин. – Допросить. Так что лучше без пушек.

– Как скажешь. Одноглазый! Дьяк тебя жалеет. Поэтому пушки не будет. Будет сено и смола! Скоро мы тебя выкуривать начнем!

– Нет. Сгорит. А допросить надо.

Кокарев внимательно глянул на Макарина. От воеводы ощутимо пахло брагой, но выглядел он трезвым.

– Не скажет он тебе ничего, дьяк. Совсем с ума сошел со своими самоедскими выдумками. Только проклятиями сыпет. Раньше нормальным был, а в последнее время словно болотных грибов нажрался.

– Все равно мне с ним поговорить надо. Как его зовут по-настоящему?

Воевода сперва моргал, не понимая. Потом цыкнул ближайшему казаку:

– Горелый! Как зовут Одноглазого?

Щуплый казак, такого темного, будто действительно обгорелого, цвета кожи, глянул на него ошалело, раскрыв рот.

– Вот ты дубина. Кто-нибудь знает? – Все молчали, пожимая плечами. Воевода раздраженно махнул рукой. – Дьяк, никто не знает. Будем считать, что Одноглазого зовут Одноглазый.

Макарин хмыкнул, шагнул внутрь двора.

– Дьяк, обожди, – остановил его воевода. – У него два самопала. Шмаляет как только кого видит. Но у меня идея. Бреди потихоньку справа, со стороны глухой стены. У него дверь в эту сторону открывается, так что он тебя не зацепит, разве что совсем высунется. И главное болтай побольше, отвлекай. А мы тут кое-что придумаем.

Он приглушенно свистнул, махнув руками в обе стороны, и два казака из числа, прячущихся за забором, двинулись пригибаясь в обход, направо и налево.

Воевода отошел вбок, и Макарин крикнул в сторону избы:

– Казак! Я дьяк Разбойного Приказа Семен Макарин. Хочу с тобой поговорить. Не стреляй.

И осторожно двинулся внутрь, придерживаясь правой стороны.

Из избы доносились странные звуки, какое-то бормотание, мычание, тонкий тихий вой. Только на середине пути до Макарина дошло, что это воеет и мычит Одноглазый.

– Я хочу с тобой поговорить, спросить кое о чем. Тебе ничего не будет. Главное ответить. Зачем ты на меня напал?

Бормотание стало громче, и Макарин уже различал слова.

– Вы все умрете, все умрете, они придут за вами, и убьют вас, никто не спасется, не надо было тебе приезжать, дьяк, теперь станет хуже, намного хуже, вы все умрете...

– Кто придет, казак? Кто тебя послал напасть на меня? Кто еще замешан?

– Вы все прокляты, все умрете, проклята ваша земля, проклята ваша Мангазея, проклято все ваше государство, не будет его скоро, они придут за вами, хозяева придут, хозяева спустятся

с небес, хозяева поднимутся из ям в земле, хозяева выйдут из холмов, это их земля, не будет вас скоро, вы все умрете...

Слова снова превратились в тонкий вой, от которого по спине дьяка поползли мурашки.

– Что ты видел год назад, когда сидел на холме и смотрел на караван Степана Варзы?

Вой вдруг прекратился. Макарин был у самой двери, он уже различал в темноте щелей черную сгорбленную тень.

– Они взяли то, что не должны были брать, – внятно сказал Одноглазый своим обычным голосом, тем, который запомнился Макарину по прошлой ночи. – Они взяли и поэтому сдохли. И вы сдохнете.

– Что они взяли, казак?

Но Одноглазый не успел ответить. Внутри раздался грохот, вопли, грянул выстрел, дверь вышибло, с облаком порохового дыма наружу вылетели три сцепившиеся фигуры и рухнули в дворовую пыль. От ворот с победными криками ринулся вперед воевода. Стоящие у забора казаки заорали, кто-то начал стрелять в воздух, и в этом гаме потонули все звуки и заложило уши.

Двое казаков скрутили Одноглазого, подняли его на ноги. Макарин подошел ближе.

– Что они взяли, казак? – повторил он.

Одноглазый улыбался, открыв щербатый рот. Его вытарашенный глаз был ярко красным от лопнувших сосудов. Безумный взгляд блуждал по окрестностям, ни на чем не останавливаясь.

Макарин тряхнул безумца за плечи.

– Говори, что знаешь!

Что-то резко свистнуло рядом с ухом. Одноглазый крупно дернулся, повалился на землю. Из его единственного целого глаза торчала, подрагивая, стрела. Некоторое время он еще сучил ногами, потом затих, а Макарин все продолжал смотреть на дрожащее оперение.

5

Внутри изба выглядела еще более древней чем снаружи. От почерневших бревен воняло гнилью, белесый мох покрывал углы и даже потолок. Из обстановки здесь были только большой стол и две скамьи. У дальней стены были свалены медвежьи шкуры.

– Он здесь жил?

– Кто его знает, – ответил воевода. – Возможно. Обычно казаки живут у меня на гостинке, но Одноглазый с дружкой вот уже месяц как шлялись отдельно. В караул ходили, приказы выполняли. Так что никаких нареканий. Но вот эта его самоедская болтовня... Как сходил тогда в дозор год назад с другим своим дружкой к каравану Варзы, так и двинулся постепенно.

Макарин подошел к груде шкур, отодвинул носком сапога ближайшую. Взвились, зажужжали несколько толстых мух.

– Теперь нам надо обязательно поймать его убийцу, – сказал он.

– О, на это, дьяк можешь не надеяться! – рассмеялся воевода. – Я хоть и послал в лес десяток казаков, но убийцу они точно не поймут. Убийца – ярган. Только они в этих краях такие стрелы используют. Тройное оперение из хвоста филина и костяной наконечник в виде вилки. Я тут чуть больше года, но такие вещи наизусть выучил. Ярган это. Мои остолопы не успели на холм подняться, а он уж наверняка к реке подбегал.

– Зачем же тогда их посылать?

– Политика, дьяк. Если б не послал, уважать бы перестали. Экое дело – подчиненного при воеводе как белку подстрелили, а воевода стоит и глазами хлопает. Пусть побегают.

– А если в лесу еще десяток таких... ярганов? Без казаков останешься, воевода.

Кокарев нахмурился:

– Это возможно, но навряд ли. Ярган в здешних местах – чужак. Ярганские городки далеко на юге, сюда они редко забираются и обычно в одиночку. Если б целый отряд наведалься, местная самоядь об этом бы на всю округу разглагольствовала. Нет, ярган был один и приходил он по душу Одноглазого.

– Зачем дикарю с далекого юга убивать безумного казака?

– Кто его знает? Может обидел кого из клана? Ярганы мстительны, как и все дикари.

Макарин прошелся вдоль стен, пытаясь усмотреть в темноте хоть что-то интересное. Бревна в некоторых местах были испещрены вмятинами, зазубринами, словно кто-то неумело пытался нанести на них неведомый узор.

– А тебе не приходит в голову, воевода, что Одноглазого убили как-то подозрительно вовремя? Из Москвы приезжает дьяк, на дьяка нападают, нападавшего ловят, собираются допросить. И тут из леса прилетает стрела и лишает нас единственной нити для дальнейшего расследования. Кто нанял Одноглазого, зачем?

– Да не мог его никто не нанять. Ну сам подумай. Даже если кому понадобилось тебя прибить. Кому может прийти в голову нанимать для такого ответственного дела полного безумца, который не то что людей, день с ночью путает?

– Меня он ни с кем не спутал. Знал, что я государев человек. Знал, куда пойду. С самой пристани следил, возможно. Дождался, когда выйду ночью на улицу. Безумцы так не делают.

– Безумцы и не такое делают. Он уже с полгода бродил по улицам и смущал народ болтовней про гибель Москвы. Ну это уж сам знаешь, вашими новостями только подтверждалось. А еще говорил, приедет московский человек и всем нам смерть наступит. Людей предсказаниями пугал. Жрал то, что самоедские колдуны жрут, грибы, ветки, мох, траву какую-то. У него аж пена из пасти лилась. Потом вчера про тебя услышал. И совсем съехал.

– И после таких речей он спокойно ходил по улицам?

Кокарев виновато почесал затылок.

– Тут понимаешь, дьяк. С одной стороны, оно конечно, острог за такое в лучшем случае. А в худшем так дыба и казнь. А с другой стороны, Одноглазый юродствовал редко. По крайней мере до последнего времени. А так ему цены не было. Никто лучше него округу не знал. Я уж гадаю, как мы теперь с самоядью переговариваться будем. Среди моих казаков замены ему точно нет.

Макарин уже сделал по избе не один круг, осмотрел свалку шкур, стены, печь, сложенную из мелких камней, повертел в руках валяющиеся у двери самопалы. Не было никаких зацепок, ничто не указывало, куда двигаться дальше. Труп Одноглазого он обыскал еще раньше, не найдя ничего, кроме оружейных принадлежностей и пары засохших мухоморов в котомке. Видимо, Одноглазый действительно любил отравлять себя этой гадостью, после которой люди ходили сами не свои. Может, грибы в конце концов и сделали его безумцем. Макарин читал донесения об их популярности среди дикарских колдунов, которые отварами доводили себя до исступления.

– Кто с ним в друзьях ходил?

– Кроме Васьки Щербатого – никто. А тому я прошлой ночью башку разнес. При тебе же. Васька-то поразумнее был кстати. Жаль его. Был еще Косой. Вот с Косым они сильно дружили. И в дозоры ходили, и в леса, и на разговоры с дикарями.

Макарин остановился.

– Подожди. А в тот дозор, что был год назад у собирающегося каравана Степана Варзы, они тоже с этим Косым ходили?

– А то как же. Говорю ж – неразлучны. Я тогда только приехал, не понимал ничего, но уже знал, что лучше их вдвоем на задания посылать. Про караван тот нелепые слухи ходили, вот я и распорядился разузнать, что за дела там творятся.

– И что?

– Да ничего толком. Вернулись ночью, оба белые, будто покойники, сперва ничего не говорили, так что им пришлось по мордам двигать. Ну, рассказали, что видели какой-то ящик, в полтора человека размером. Уж больно им этот ящик запомнился, только про него и талдычили. И, собственно, все. Потом караван ушел, и я забыл про это дело. А когда дошли слухи, что караван до места не добрался, тут-то и началось. Одноглазый постепенно стал с ума сползать. А Косой совсем замолчал. Он и раньше-то неразговорчив был, а тут... Подожди, а что ты все про Косого спрашиваешь? Ты ж его знать должен! Это ж я его в Москву с письмом послал. Если ты письмо получил, значит и Косого видел.

– Я не получал никакого письма. – медленно сказал Макарин.

– Ну не ты, конечно. Бояре. Они ж письмо-то прочитали. И с Косым наверняка поговорили.

Макарин подумал, и решил не говорить воеводе, что его казак Косой скорее всего помер у дознавателя на дыбе, не успев ничего толком рассказать. По крайней мере именно такой вывод можно было сделать из грамоты боярина Мстиславского.

– Возможно, поговорили. Только мне ничего не сказали. И с Косым я не виделся.

– Да-а, – помрачнел Кокарев. – Бардак у вас там на Москве.

– Не без этого.

Воевода пошарил руками у себя на поясе, достал плоскую фляжку, черную с серебряной гравировкой и витиеватыми узорами, глотнул, крякнул и показал Макарину.

– Налить? Хорошо мозги помогает сосредоточить.

Макарин отказался, спросил:

– А что в письме-то было?

Воевода замялся.

– Ну так... Мои соображения насчет старшего воеводы Троекурова. Ты ж наверно в курсе, что у нас с ним тут маленькая война. Такая гражданская, как была в Риме у Кесаря

с Помпеем. Не удивляйся, дьяк, я хоть и простой служивый, но грамоте тоже обучен и книжек прочитал десяток то уж точно... Так вот. Для меня присяга это все. Мне не важно, кто там сидит на Москве, и насколько он сидит правильно. Я служу стране. Если на Москве Шуйский, я служу Шуйскому. Если на Москве невинноубиенный якобы царевич – я служу невинноубиенному. И мне не важно, что он никакой не царевич. Раз взял власть на Москве в свои руки – значит у него уже есть на это право. Сейчас у вас там сидят бояре и решают, кому отдать престол – то ли католику, то ли еще одному невинноубиенному. Я понимаю, что и то и другое – дерьмо больного самоедского оленя. Но для меня это не столь важно. Для меня главное, это чтобы был порядок. И чем быстрее этот порядок наступит, тем для страны лучше. А значит и для меня. Вот у меня такое мнение.

Макарин мог рассказать, каково это, когда на Москве вполне законно сидят поганые ляхи, но опять решил не говорить, а ждать продолжения. За свою пятнадцатилетнюю службу он накрепко запомнил, что лучше слушать, чем возражать.

– Может, я и не прав, – сказал воевода. – Может, если б сидел сейчас где-нибудь ближе к Москве, думал бы по-другому. Но я здесь, на богом забытой окраине, где дикарей больше чем звезд на небе, а до ближайшего соседнего городка месяцы пути. И здесь я думаю так, а не иначе. Потому что если иначе – тогда все развалится.

– Хочешь сказать, старший воевода думает как-то по-другому?

– Нет. Хочу сказать, что он вообще не думает. Он дерет вдвойне с самоедов, грабит промышленников. Поднял цены на товары и теперь купцы норовят скупать шкуры в лесах, а не у нас на торге. А я за этим всем должен следить и не допускать. Его стрельцы сидят как мыши в крепости, а я людей по лесам теряю. Это дело? Троекуров портит отношения с дикарями, а я за это отдуваюсь. Он набивает карманы, а я дерусь. Но главное не это. Я повидал достаточно таких воевод, в войне они бестолковы. Если сюда вдруг нагрянет какое войско, неважно чье, самоедь на оленях, вогулы с саблями или те же ярганы – Троекуров не задумываясь сдаст город. Даже и не подумает драться. Нагрузит первый попавшийся коч своим барахлом, казну прихватит и свалит отсюда в один момент. А может еще и продаст нас с потрохами. Вот об этом я в Москву написал. Просил прислать кого другого, а Троекурова с почетом отправить в поместье, чтобы сидел там и ничего не делал. Ну, и про караван тот злополучный тоже пару строк черкнул, от себя. Не про ящик конечно. Ничего не знаю, что они везли, откуда взяли и чего тогда весь город переполошился. Просто сам караван тоже был примечательный. Три малых коча, дьяк. Знаешь, зачем Варзе понадобились именно малые кочи? Видел их когда-нибудь?

– Не далее, чем сегодня утром.

– И что скажешь?

Макарин пожал плечами.

– Я не силен в мореходстве. Но судя по корпусу, лед им не страшен. Да и оснастка серьезная. Крепкие корабли.

– Это все да, но не главное. А главное, то что малый коч можно на берег вытащить, на катки поставить и быстро из моря в море перевести. Он маленький, легкий. Ты, когда сюда собирался, карту наших земель видел?

– Доводилось. Одну даже с собой захватил. Но там много неизведанных земель. Мало что понятно.

Воевода огляделся, подошел ближе к маленькому открытому окошку, откуда лился свет.

– Я тебе сейчас нормальную карту покажу, три года ее составляли, год назад закончили. В Москве такой пока нет.

Он достал из кармана сверток, развернул на столе.

– Смотри. Вот здесь мы. Вот это наш караванный путь, ты по нему сюда добирался. Сперва по реке до Мангазейского моря, на море резко на юг и до Обдорской заимки в устье

Оби. А потом реками на Тобольск, вглубь страны. Присмотрись внимательно, что ты еще здесь видишь?

Макарин присмотрелся.

Карта была подробной. С указанием мелких речушек, болот, даже дикарских стойбищ и мест хорошего промысла. Она охватывала все близлежащие земли, от Обдорска до устья Енисея и Туруханского зимовья, что поставили не так давно в неделю пути на восход отсюда. Море было в центре, но оно казалось схематичной дырой, по сравнению с густо разрисованной сушей. На закатном краю карты, в стороне от основного караванного пути виднелся огромный массив неизведанной земли, испещренной бесчисленными озерами и речушками. Прямо по центру этой земли, напротив выхода с Мангазеи в море, Макарин заметил мелкую надпись.

– Поморский волок? – прочитал он.

– Именно, – торжественно сказал воевода. – Поморский волок. Наш караванный путь не единственный отсюда. Есть еще один. Старый, даже древний. Его называют Северный путь, и о нем мало кто знает. Говорят, им пользовались еще новгородцы несколько столетий назад. На первый взгляд он прост. Отсюда по реке на север до Мангазейского моря, но потом не на юг вдоль берега, а прямо на закат через море. Там реками да озерами примерно до середины этой земли, затем корабли перекачивают волоком до следующей речушки, спускают на воду, несколько недель плавания и ты уже в Белом море, а там рукой подать до Холмогор и Архангельского городка. Представляешь, вместо четырех месяцев – всего несколько недель.

– Но мы почему-то этим путем не ходим.

– Не ходим. И не только потому что для волока нужны малые суда, а нам проще загрузить товаром большие и подождать полгода. И даже не потому что морем ходить гораздо опаснее из-за льдов и штормов. Все дело в самой этой земле, – палец воеводы обвел практически пустую широкую часть суши, посреди которой виднелся Поморский волок. – Самоядь называет ее Краем Мира. Огромная плоская пустошь, испещренная болотами, речками, озерами. Лабиринты протоков, гиблые топи. Никто не знает, сколько поморцев там сгинуло, пока они не нащупали единственный верный путь через эти земли. Лет десять назад тогдашний обдорский воевода послал в те края десятка два казаков для организации постоянного острога. Никто из них не вернулся. Даже самоеды туда предпочитают не соваться без особой необходимости, хоть отдельные семьи и умудряются там кочевать. Проклятая земля. К северу от нее начинаются поля сплошных льдов, которые не тают даже летом. Так что ее ни морем, ни сушей никак не обойдешь. Есть только одна дорога – вот этот Поморский волок.

– И ты считаешь, что Варза пошел именно этим путем?

– Возможно. Одноглазый видел бревна для катков, загруженные на один из кочей. Сам подумай. Малые кочи вместо торговых двухмачтовых. Катки, которые не нужны на караванном пути, зато нужны на северном. Поморцы в команде. Да и сам Варза поморец. Конечно он знал о Северном пути и пошел именно по нему. Остается лишь вопрос, зачем он это скрывал и твердил всем, чтобы его ждали в Тобольске, а не Холмогорах. Хоть северным путем и редко пользуются, но поморцы иногда рискуют. Кто-то добирается, кто-то нет. Зачем скрывать?

Вот на этот вопрос Макарину было что ответить. Он кратко описал воеводе грамоту князя Мстиславского, опустив фразу о помершем на дознании казаке. Добавил версию о просочившемся голландском лазутчике. Рассказал о сбежавшем у него из-под носа поморце Шубине. Запутанное дело впервые становилось ясным как помытое стекло. Все части головоломки сложились одна с другой. Поморец Варза в сговоре с чужаком Хоэром и другими поморцами организовывает караван для вывоза какого-то ценного предмета, запутывает следы, называет пунктом назначения один город, а на деле направляется в другой. Проходит по Северному пути к Архангельску или Холмогорам, где уже полсотни лет находятся английские и голландские фактории, Хоэр сводит его с нужными людьми, которым он продает предмет и сведения о том,

как добраться в заповедную Мангазею. К тому времени на север прибывают военные флотилии. А значит нам остается лишь уповать на бога и собственные силы.

Воевода хмурился, постукивая костяшками пальцев по столу.

– Нет, дьяк, что-то не сходится. Шубина я конечно постараюсь споймать. Посмотрим, что он знает. Но вот что касается всего остального... Не похож был Варза на предателя. Производил впечатление честного человека, хоть и поморца. Я с ним, правда, всего пару раз общался. Но в людях, уж поверь, я разбираюсь. Приврать насчет выбранного пути мог конечно, на то он и поморец. Товар спрятать. Они вообще скрытные. Но вот чтобы так просто продать всякой немчуре секретный путь – это навряд ли. Может слышал, архангелогородская немчура уже не раз подкатывала к поморцам с предложением показать дорогу на Мангазею. Их старейшины всегда отвечали отказом. Варза один из них, если не знаешь. Они свой интерес понимают и за мелочь не продаются. Если немцы пронюхают эту дорогу, то их отсюда поганой метлой не вышибешь, а значит и поморцы всю торговлю потеряют. Это на севере всем ясно. Я скорее Троекурова в сговоре с этим твоим Хоэром заподозрю. Вот ему кроме собственного пуза ничего не надо. – Макарин вспомнил, каким угрюмо-задумчивым сделалось лицо Троекурова, когда он узнал про чужака в Мангазее, но ничего говорить не стал. – Как знаешь, но тут дело в чем-то другом. То ли Варза имел свои причины идти по Северному пути. А Хоэр, если он действительно чужак, вошел в доверие и обманул Варзу. То ли Варза пошел все-таки к Тобольску, а катки ему понадобились для чего-то другого и это другое его в конце концов погубило.

– А для чего еще могут понадобиться катки?

Воевода пожал плечами.

– Для другого волока. Может решил заглянуть по пути еще куда. Мест много. Может вообще решил идти к великим рекам на восходе. Пушнины у него было немного. Вполне мог решить подзаработать еще по дороге. Хотя отправлять караван не на закат, а в противоположную сторону... Нет, отпадает. Тем более, что катки для волока в лесах не нужны, там этих катков можно настрогать за милую душу. Они нужны только там, где нет леса, и где даже оставленные с прошлого лета бревна за пару месяцев сгниют напрочь. А такой волок только один в округе. Поморский, через топи проклятых земель. В общем, не знаю, дьяк. Мало сведений. Надо собирать.

6

Отосланные в лес казаки, как и предсказывал Кокарев, вернулись ни с чем. Двое из них успели увидеть, как ярган скрылся на противоположном берегу, предварительно пустив вниз по течению свою лодчонку. «Это они так мосты сжигают, – пояснил Кокарев, – мол, дело сделано, теперь на нашем берегу ему делать нечего. Небось и оружие туда положил. Тогда точно мечь.» Макарин было пристал к казакам с вопросами, мол, как вы поняли, что это именно ярган, а не горожанин или самоед переодетый ярганом, на что казаки только снисходительно ухмылялись, а воевода сказал, что если дьяк поживет здесь еще хотя бы с полгода, у него таких вопросов больше никогда не возникнет. Чтобы переодеться ярганом не будучи самим ярганом нужно быть безумнее Одноглазого. Теперь этого дикаря будут травить все самоедские кланы по ту сторону реки, воевода об этом уже позаботился, послав гонца в ближайшее становище. Ярган свободно шастает по пастбищам самоедов, что может быть оскорбительнее?

– Они его поймают?

– Возможно. Но мы его все-равно не увидим. Поймают, освежают и прибьют к отдельно стоящему дереву на какой-нибудь тропе. У дикарей разговор короткий. Самоядь помнит, как прошлой зимой ярганы вырезали несколько их становищ.

– Дикари воюют меж собой?

– О, еще как! Народ с народом, племя с племенем, род с родом. Иногда одна семья подчистую режет другую, но это редко бывает. А в целом они мирные, если их не трогать. Хотя, бывало такое, что и не угадаешь. По-нашему вроде ничего особенного, а для них смертное оскорбление.

Кокарев размашисто вышагивал по доскам мостовой так, что казаки еле за ним поспевали. Макарин старался не отставать. Они шли по направлению к гостиному двору, людей на улице становилось больше, но, завидя, воеводу, те прижимались к стенам домов и амбаров. Некоторые ломали шапки и низко кланялись, большинство ограничивались коротким кивком и приветствием. Население Мангазеи не было подобострастным. Макарин разглядывал встречаемых и поперечных, купцов, охотников, ремесленников, баб с детишками. Они были одновременно похожи и не похожи на людей с других городов. Чего в них точно не было, так это озлобленной пришибленности, которая появилась за последние годы у москвичей.

– Знаешь, что у меня из головы не выходит? – спросил Кокарев, когда они вышли на забитую народом широкую площадь перед гостиним двором. – Как поведет себя Троекуров, когда сюда нагрянет немчура. Ведь и впрямь сдаст город, не будет сопротивляться. А у него и крепость, и оружейная изба, и людей больше, чем у меня. У тебя же есть власть, дьяк. И полномочия у тебя не только от твоего Разбойного, но еще и Казанского приказа. Объяви ему о смещении, пусть валит в Тобольск, пока зима не началась. А с людьми я договорюсь, промышленников там, охотников заставлю в оборону пойти. Самоедов найму. Мне бы только крепость, пушки и снаряжение. Немчура точно зубы обломает, сколько бы ее не было.

Макарин покачал головой.

– Нет у меня такой власти. Могу лишь доложить о состоянии дел. Но пока это все дойдет хотя бы до Тобольска, пока примут решение, пока его сюда доставят... Сам понимаешь. Да и потом, извини, Кокарев, не вижу я доказательств будущего Троекуровского предательства. Только твои слова. А ты предвзят, это все знают.

– Когда увидишь доказательства, поздно будет, – буркнул воевода и отошел к группе казаков, сидящих у таможенной избы.

Макарин слушал, как он отрывисто отдает распоряжения о поиске Шубина. Найти его жилище, найти старика с пристани, расспросить других поморов, предупредить заставы на выезде из города, выслать на перехват по паре лодок вниз и вверх по реке, послать гонцов

к стойбищам самоедов. Воевода работал грамотно и видно было, что люди его слушают беспрекословно. Разница с Троекуровым в халате и его слоняющимися по крепости бездельными стрельцами была заметной.

В этот момент дверь таможенной избы отворилась, и Макарин впервые увидел самоеда.

Самоед был мало похож на виденных им у Обдорского острога вогулов. Он был на голову ниже и на порядок темнее. Его плоское лицо покрывала сеть то ли шрамов, то ли татуировок. Одежда состояла из коряво сшитых звериных шкур мехом наружу, из-за чего дикарь напоминал мелкого облезлого медведя. Из-под свисающих сальных черных волос блестели щелки глаз. Дикарь медленно обвел взглядом двор, присмотрелся к воеводе, казакам. Потом остановил взгляд на Макарине, и тогда Макарин шагнул к нему.

– Ты понимаешь наш язык?

Самоед некоторое время молчал, внимательно разглядывая дьяка, его одежду, снаряжение. Потом, наконец ответил, видимо поняв, что перед ним человек, имеющий право задавать вопросы:

– Мало. – Его голос походил на скрип лежалого снега под полозьями саней. – Слышать плохо, говорить плохо.

– Прошлым летом здесь пропали люди. Много людей. И корабли. Три, – Макарин показал самоеду три пальца. – Ты что-нибудь об этом знаешь?

Самоед молчал, его лицо казалось застывшей темной маской.

– Ты меня понимаешь?

– Плохо понимать. – дикарь осклабился, – Хадри рода Собачье Ухо. Так меня звать. Хадри привез ясак.

– Это замечательно. Ясак это хорошо.

– Ясак это плохо, – покачал головой самоед Хадри. – Очень плохо. Есть нет. Пить нет. Дети голый бегать. Все шкуры давать белый царь.

Макарину не улыбалось вступать в спор с дикарями на предмет справедливости поборов.

– Эти люди что-то взяли у вас. Или у вас, или у других дикарей. Что-то ценное. Большое. Положили в ящик. Размером больше человека. Может твои старейшины рассказывали тебе о том, что у них пропало? Я хочу это найти.

Дикарь молчал. По его лицу ровным счетом ничего нельзя было понять.

– Оставь его в покое, дьяк, – подошел сзади Кокарев. – Он ничего не знает. А если и знает, то не скажет. Хочешь, сведу тебя с толмачами, съездишь в пару становищ, поговоришь с тамошними стариками. Старики могут что-то знать. А этот молодой, у них только охота и чужие бабы на уме.

– Бабы, да, – снова осклабился самоед. – Хадри нужен баба.

– Вот видишь, – воевода махнул рукой, – Пойдем лучше, пропустим по чарке, пока казаки твоего Шубина вылавливают. Со вчерашнего вечера ничего путного во рту не было.

Самоед мелко поклонился и засеменял спиной к воротам, продолжая улыбаться.

– Что-то они точно знают, – сказал Макарин, наблюдая, как дикарь исчезает за воротами.

– Возможно. Но разговорить их будет трудно. Ну так что, собирать к завтраму команду с толмачами? К ближайшему становищу полдня езды, затемно надо выдвигаться.

– Раз в деле явно замешаны дикари, то собирать конечно.

Кокарев внимательно на него глянул.

– Станный ты человек, дьяк. Ваша братия обычно за пределы острога носа не кажет. Только бумагами ворочает, да холопов по округе рассылает. А ты приехать не успел, как уже к дикарям собираешься.

– Время странное, – сказал Макарин. – Бумаги сейчас не помогают. Все приходится делать самому.

– А то смотри, могу тебе отписать пару служивых на посылки, раз московские бояре тебя сюда одного прислали.

Макарин улыбнулся, вспомнив аналогичное предложение Троекурова, которое тот сделал давешней ночью, провожая его до постоялой избы. Оба воеводы конечно были бы рады приставить к опасному гостю согладатаев.

– Сперва сам хочу с городом познакомиться. А потом может и холопов по округе стану рассылать. У вас тут, говорят, острожный поп близко с самоедами якшается. Вдруг он тоже чего знает.

Кокарев нахмурился, покрутил ус.

– Есть такое. Слухи ходят. Отец Иннокентий, вот же выбрали имечко. Он уж лет десять здесь, едва ли не с первыми воеводами прибыл. Старожил, считай.

– Наверняка много о здешних местах знает?

Кокарев помялся.

– Наверняка. Я с ним, дьяк, общаюсь нечасто, у нас с казачками свой духовник имеется. Ничего сказать не могу. Поп как поп. Но да, частенько в пустоши выбирается. Дикарей на путь истинный поворачивает. Только вряд ли ты от него чего толкового добьешься.

Воевода быстро распрощался, будто стараясь поскорее свернуть неприятный разговор, свистнул парочку ближайших казаков и направился с ними в сторону ближайшей корчмы, посоветовав Макарину присоединиться к честной компании, где за чаркой и обильным обедом обговорить детали предстоящей поездки к самоедским старейшинам. Макарин пообещал быть вскоре, а сам вышел с гостиного двора и отыскал глазами торчащие над крышами домов острожные башни.

Соборная церковь святой Троицы располагалась почти в самом центре острога, у главной дороги, аккуратно за рядами амбаров и оружейной избой. Впереди была ограда воеводова двора, и все также бродили вокруг терема бездельные стрельцы. Макарину показалось, что в окне светлицы мелькнул цветастый халат воеводы Троекурова.

Одетый в утепленную рясу поп сидел на скамейке у входа в церковь. У него были маленькие глазки, круглое лоснящееся лицо и начинающая седесть окладистая борода. Макарин вспомнил, что утром с ним уже сталкивался. Увидав гостя, поп встал, ласково улыбаясь.

– Отец Иннокентий, полагаю?

– Правильно полагаешь, сын мой, – голос у священника был густым, басовитым и совсем не вязался с его маслянистой внешностью.

– Семен Макарин, дьяк Разбойного приказа. Из Москвы по поручению, – он коротко кивнул, приподняв шапку. – Вопросы к тебе есть, батюшка.

Отец Иннокентий улыбнулся еще шире.

– Что, прямо так сразу и вопросы. С корабля да быка за рога. А я тебя, дьяк, к заутрене ждал. Думал, уж с дороги-то государев человек обязательно посетит храм божий.

– Прости, батюшка. Поздно прибыл, и сразу дела.

Отец Иннокентий горестно покачал головой, не переставая улыбаться.

– Вот и всегда так в нынешнее время. Забывают люди путь к господу. Оттого и страдания неимоверные. Спрашивай, дьяк. Вижу, человек ты занятой.

– В городе сказывают, будто ты часто бываешь у местных дикарей.

Священник медленно покивал.

– Служение у меня такое. Души, скитающиеся во мраке язычества, привести в лоно христовой церкви. Для того сюда и прибыл. А часто ли бываю, может и не часто, ведь и городскую паству забывать не след. Но раз в месяц стараюсь выбираться. Что тебя интересует?

– Говорят, что год назад пропавший караван Степана Варзы вывез что-то из самоедских земель. Предмет какой-то, довольно большой, в ящике размером в полтора человеческих

роста. Может слышал чего от самоедов? Пропадало у них что-нибудь? Или может они продали что Варзе?

Улыбка отца Иннокентия стала будто приклеенной. Он внимательно смотрел на Макарина, и глаза его были изучающими, будто он решал сейчас, что сказать и говорить ли вообще. Наконец, он вздохнул, отвел глаза в сторону.

– Не лез бы ты, дьяк, в это дело. Черное оно.

Какое-то время Макарин ждал продолжения, но его не было.

– Не могу не лезть, батюшка. Служба у меня такая. У тебя вот дикарей окормлять, а у меня дела распутывать. И черные, и светлые. Впрочем, светлых дел у меня почти не бывает.

Отец Иннокентий мелко покивал, продолжая разглядывать окрестности, снял скуфью, отер пот со лба. Волосы его были редкими и пегими от пробивающейся седины.

– Вряд ли я тебе смогу помочь, – сказал он. – Ничего не знаю об этом ящике. Но караван помню. И наверно уже никогда не забуду. Неделю, пока он собирался за городом, я служил не переставая, семь всенощных, спал по два часа в сутки, ибо люди из храма не выходили, а молились, церковь была паствой битком забита, и в других наших церквях также. Кому-то конечно было без разницы, мужики так просто смеялись или в леса уходили подальше. А бабы с детишками в голос ревели. Ужас что творилось. По ночам за ворота никто носа не казал. Народ рассказывал о чудищах лесных, воплях звериных. Несколько малолетних пропало, девку с разорванным горлом неподалеку нашли. Говорили, что медведь задрал, но может и не медведь. А когда наконец отплыл караван этот проклятый, то я взял служек, да отца Федора с церкви Макарьевской, он чтец отменный, да и пошел на то место, где караван собирали. Весь день, с утра и до самого заката, ту поляну очищали. Отчитка, обход, снова отчитка, снова обход, и так раз, наверно, сто, пока не почувствовал, что не могу больше. Не знаю, уходил я оттуда с тяжким сердцем, не помогло наверно. Народ туда до сих пор редко ходит.

– И что там было, на той поляне?

Священник пожал плечами.

– Да ничего. Точнее, ничего такого, что можно было бы увидеть или взять в руки. Мирянин бы точно ничего не почувствовал. А возможно и не каждый служитель. Зло там было, дьяк. Висело над землей, будто туман утренний. Потому и говорю, не лез бы ты в это дело, тебе с ним не справиться. Пропал караван, и хорошо, что пропал. Гораздо хуже будет, если он найдется.

– А что самоеды? Неужто никто из них даже словом не обмолвился, что именно вез Варза и откуда он это взял?

– Никто толком ничего не сказал, хоть я и спрашивал. Самоеды народ скрытный. В свою жизнь никого не пускают. А тут было явно что-то для них священное, для чужаков запретное, но чего они сами боялись пуще всего остального. По крайней мере те, кто жил окрест. Несколько стариков мне тогда намекнули, мол, сами рады, что от этого невесть чего избавились. В пустошах, говорят, теперь спокойнее будет. И сильно огорчились, когда узнали, что караван пропал где-то неподалеку. Правда, по другим рассказам выходило, что некоторые дикари, из числа далеко живущих, были не прочь на варзов груз наложить лапу, и именно поэтому караван собирали в спешке. Может, как раз они до него и добрались.

– Что за дикари?

– Не знаю, какие-то неместные. То ли с далекого восхода, из ледяных пустынь за Енисеем. То ли напротив, из южных лесов. Туманно все это мне было передано, а теперь уж и переспросить не получится. Тот род, где мне это рассказывали, вымер прошлой зимой то ли от болезни, то ли еще от чего. Никого не осталось.

– Может, их убили? Я слышал, недавно несколько самоедских родов было уничтожено ярганами.

– Может и убили. Ярганы давние враги здешних племен. Расспроси других самоедов, возможно, что и узнаешь. Хотя, я бы на твоём месте не надеялся. Даже если, что и скажут, всему не верь, могут и за нос поводить.

Макарин огляделся. Красное солнце уже касалось деревянных острожных стен на закате, и все вокруг становилось темным и мутным, будто скрытым в пелене.

– Хотелось бы глянуть ту поляну, где собирался караван, – сказал он. – Она далеко?

Священник нахмурился.

– Она недалеко, но на твоём месте я бы туда не ходил.

– Отчего же. Это если и не место преступления, то хотя бы место приготовления к нему.

Осмотреть его в первую очередь надобно.

– Ничего не найдешь. Там год назад-то ничего не было, а теперь и подавно. Один мусор.

– Ты, батюшка, даже не представляешь, что иной раз можно найти в мусоре.

– Дело хозяйское, – отец Иннокентий перекрестился. – Как за посад выедешь, через речку Мангазейку переберись и держись все время берега большой реки. Спусти пару перелесков уткнешься в большой лысый холм, а перед ним будет широкая прибрежная поляна, вся утоптанная до голой земли. Это она и есть. Не ошибешься.

Макарин раскланялся, принял благословение и краткое напутствие («остерегайся зла людского, а пуще зла вечного там, где оно властвует безраздельно»), подивился про себя такой неканонической форме, и отправился к конюшне, где показал служкам воеводово предписание содействовать во всем. Выбрал смиренного гнедого мерина, и поехал через вечерний город, мимо еще шумных торговых рядов, закрывающихся ремесленных мастерских, по затихающим жилым улицам. Плотный застроенный посад тянулся долго, до самой Мангазейки, неширокой речушки, вихляющей вдоль заборов с одной стороны и густого леса с другой. Макарин преодолел дребезжащий деревянный мост, выехал к большой реке и двинулся вдоль берега по узкой еле заметной колее. Справа от него сквозь редколесье поблескивала река и висело над далеким противоположным берегом красное солнце. Слева тянулись черные дебри, и все больше сгущалась тьма. Где-то вдали завывали волки, и Макарин машинально потянулся к седельной сумке, из которой торчал приклад ручницы. Отправиться за город в одиночестве может и не было хорошей идеей, но любой сопровождающий мог быть связан с преступлением.

Деревья расступились внезапно, остались за спиной вместе с сырым мраком. Макарин выехал на открытое пространство, залитое вечерним светом. Река небольшим заливом вгрызалась здесь в песчаный берег, который переходил в широкую поляну, зажатую с двух сторон лесом. За поляной высился крутой холм, испещренный трещинами оползней. Холм был совершенно голым, лишь пара кустарников стелилась на самой вершине, будто венчики волос на лысой макушке.

Поляна действительно была утоптана до самой земли. На ней не росла даже вездесущая курчавая трава. Макарин слез с мерина, привязав его к отдельно стоящей кривой березе, и огляделся. С первого взгляда были видны следы давней человеческой деятельности. Остатки деревянных балок, вкопанных в берег, развороченный песок там, где тащили на воду корабли. Он осторожно прошел дальше, вглядываясь под ноги и видя только серую ноздреватую землю, некогда перемешанную с щепками, какими-то обрывками, мелкими костями. Один из обрывков он поднял и долго рассматривал линияющую ткань с нанесенным примитивным узором. Ближе к лесу он наткнулся на следы кострищ, давно заплесневелые головешки и прямоугольные обвалившиеся ямы от полуземлянок. Жилищ было всего пять, а значит и жило в этих временках совсем немного народу. Основная масса приходила из города. Какой смысл было Варзе возводить даже временное жильё для подготовки каравана, если от города были считанные минуты дороги? Макарин долго бродил вдоль этих ям, даже достал нож и попытался раскопать бугорок, показавшийся ему подозрительным, но нашел лишь рыбы кости и черепки от глиняной посуды.

Темнело. Он смотрел на место сбора варзова каравана, на гладь реки, солнце, висящее над ней красным пятном и пытался представить, как здесь все было больше года назад. Как собирали кочи, смолили их корпуса, ставили мачты и чинили ледовую защиту. Как жили тут, в этих тесных полуземлянках, неделями, даже не выбираясь в город. Это был один из его методов, взяв дело, сперва прийти на место, с которого это дело начиналось. Представить людей и попробовать их понять. Сейчас ничего не получалось. На поляне не было никаких зацепок. Здесь не было даже зла, о котором говорил священник. Ни людского, ни вечного. То ли выветрилось за год, то ли его никогда и не было. Макарина окружала совершенная пустота. Он с трудом вскарабкался на холм, держась за прутья и корни, торчащие из расселин.

Сверху поляна была как на ладони. Следы пристани, бревна настила, до сих пор лежащие на дне мелкого залива. Квадраты полуземлянок, расставленные веером у кромки леса. Главное кострище с почерневшей землей и глубокими дырами там, где ставили смоляные котлы. Наверно, именно отсюда наблюдали сборище посланные воеводой казак Одноглазый с подельником. Они видели, как готовят груз, наверно здесь, на левой стороне заводи, где удобнее всего было держать готовые корабли. Они видели какой-то ящик и то, что они увидели, свело их с ума. Скорее всего они не спускались вниз, иначе бы их поймали, на поляне невозможно скрыться, а значит они смогли все увидеть отсюда, с высоты. Или они все же спустились, прячась за временными постройками, но холм совершенно голый, и даже ночью с него сложно спуститься незамеченным. Разве что с другой стороны, потом обойти холм кругом и попробовать выбраться на поляну из леса. Но там открытое пространство, к тому же освещенное большим костром, располагающимся как раз между лесом и местом погрузки. Нет, они могли видеть груз только сверху, отсюда, прячась за этим низкорослым кустарником.

Макарин подошел ближе к одинокому ивняку на самой вершине холма, раздвинул ветви, лег сверху, чувствуя, как ломаются под ним сухие прутья, ползком придвинулся ближе к обрыву, вытянул голову. Ближайший край заводи находился как раз под ним, и если корабли снаряжались именно здесь, то лежащий в ящике груз вполне можно было разглядеть. Но что могло поразить издавших много казаков до такой степени? Что можно было разглядеть с этой высоты?

Взгляд Макарина скользнул по голому осыпавшемуся склону. Что-то металлическое блеснуло рядом с ним в мешанине серых и бурых пятен голой земли. Он присмотрелся, но в наступающей темноте предмет было уже не разглядеть. Тогда он достал нож и попытался высунуться за край обрыва еще дальше, рискуя сорваться по склону вниз. Земля осыпалась все больше, и Макарину не сразу удалось зацепить кончиком ножа толстый кожаный ремешок. Он подтянул его к себе, схватил и тут же отполз подальше от обрыва.

На ремешке висела зеленоватая медная бляха, большая, с ладонь размером. Уродливая, почерневшая от времени и обломанная по краям, она изображала какого-то зверя с крупной головой и круглыми выпученными глазами.

Макарин покрутил в руках примитивную, явно дикарскую поделку, спустился с холма, отвязал мерина и не спеша поехал обратно по совсем уже стемневшему лесу.

У казаков, стороживших въезд на посад, он спросил где ему найти воеводу Кокарева, после чего повернул к набережной, осадил мерина у корчмы, кинул поводья подбежавшему служке и вошел внутрь.

– О! А вот и наш дьяк!

Воевода был еще не пьяным, но уже принявшим.

Макарин жестом заставил сидящих казаков потесниться, сел рядом с воеводой и достал бляху.

– Видел чего похोजее?

Кокарев осоловело пригляделся.

– Похоже на тот значок, что в свое время таскал на себе Одноглазый. Но я у него эту штуку давно не видел. Где нашел?

– Там, где он ее потерял, и где Варза собирал свой караван.

Воевода отстранился и посмотрел на него с уважением.

– Да ты, я погляжу, не робкого десятка, дьяк. Соваться на ту проклятую полянку, да еще и ближе к ночи.

– Нет там ничего страшного. Поляна как поляна. А вот эта штуковина меня заинтересовала. Если твой Одноглазый сдвинулся на почве каких-то местных легенд, то не лишне узнать, что она означает. Может, это приведет нас к тому, что его так с ума свело.

– Навряд ли. Он ее привез издалека, когда ходил в поход аж за Енисей. К местным легендам она отношения точно не имеет. Но если хочешь, я возьму ее с собой и поспрошаю знающих людей.

Макарин кивнул, и воевода затолкал бляху себе в карман.

– А теперь отдыхаем! – Кокарев плеснул в кружку какой-то мутной жидкости, подвинул дьяку. – Дела будут завтра. Насчет толмачей я уже распорядился.

– Толмачи – это хорошо, – задумчиво произнес Макарин, разглядывая маслянистое пойло. – Толмачи нам пригодятся.

7

Но толмачи на завтра не понадобились.

Макарин проснулся в крошечной тьме от того, что кто-то навалился сверху, заломил руки, зажал рот. Дьяк отчаянно боролся, несколько раз ему удалось заехать коленом по нападавшему, но тот даже не шелохнулся. Враг был огромен, силен, от него воняло зверем, и Макарин было подумал, что имеет дело с медведем, но тут рядом с его ухом раздался шепот:

– Тихо, тихо, ты, государев человек. Зла тебе не будет. Нам бы токмо поговорить надо. Кивни главой, ежели согласен и обещаешь не кричать, не звать на помощь.

Макарин чуть погодя дернул подбородком. На помощь он звать все равно никого не собирался.

Шершавая ладонь, зажимающая рот, исчезла, огромная черная тень отодвинулась.

– Давай, зажигай лучину, – сказал незванный гость куда-то в сторону, и там, во тьме зашевелился, засопел еще кто-то. Пару раз сверкнули искры и, наконец затлел огонек, слабо осветив избу.

Сидящий рядом с Макариным человек повернулся и глянул на него.

Макарин видел его только один раз, да и то издали, но заглубившее до черноты лицо и белые, будто полностью выгоревшие волосы, он хорошо запомнил.

– Извини, что так невежливо врывается, – сказал Плехан Шубин. – Но иначе никак нельзя, ты уж поверь. Слухами земля полнится, а слухи в наше время убивают. Если кто ненужный спознает, что я с тобой разговариваю, и мне несдобровать, да и тебя возможно не пожалуют. Не посмотри, что ты дьяк из самой Москвы. Им это без разницы.

– Кому – им?

– Не спеши, государев человек, – поморец поднял широкую ладонь. – Всему свое время, все узнаешь, если конечно захочешь. Пока тебе достаточно знать, что я хочу тебе помочь. Ведь ты сам сказал, что ищешь ту безделицу, что увез с собой год назад Степан Варза? Сказал ведь он так, все правильно? – повернулся Плехан в сторону лучины.

В круге блеклого света возникла еще одна знакомая физиономия.

– Сказать, да. Так и сказать.

Самоед Хадри из рода Собачье Ухо мелко покивал и снова спрятался в темноту.

– Вот, – удовлетворенно подытожил Плехан. – Стало быть, дело у нас с тобой, считай, одинаковое. Тебе надо отыскать Варзу с его безделицей. И мне его отыскать надобно. По личной надобности.

Макарин подтянулся на лежаке, усаживаясь поудобнее.

– Почему я должен тебе верить, поморец? На пристани ты сбежал, едва меня завидев. Тебе есть что скрывать? Или вид государевых людей вызывает у тебя непреодолимую тягу к бегству?

Плехан криво ухмыльнулся.

– Твоя правда, дьяк. Особой любви я к вам не испытываю и беседовать лишний раз не хочу. Воспоминания у меня про вас нехорошие. Но ты меня заинтересовал. Я уж было собирался совсем с города уходить, но по дороге меня нагнал Хадри и сообщил, что ты караван Варзы ищешь. Вот и подумал, что мы с тобой можем быть друг другу полезны. Если это не так, и тебе караван не нужен – только скажи. Я уйду. Других дел у меня к тебе нет.

– Зато у меня есть. И давай сперва мое дело обсудим, а потом уж к каравану вернемся.

Плехан пожал могучими плечами.

– Спрашивай, чего хочешь. Смогу, отвечу.

– Мне рассказали, что ты был на короткой ноге с неким Хоэром. Что о том сказать можешь?

Плехан долго молчал, и его взгляд сверлил Макарина как колючий бурав.

– Ничего не могу сказать, – наконец сказал он. – Надеюсь эта тварь сдохла. Так ты из-за него меня разыскивал? Вот бы не подумал. В любом случае, Хоэр ушел с Варзой. А значит дело у нас с тобой опять одинаковое. Караван. Хочешь узнать о Хоэре, узнай о караване и той безделице, что он вез.

– И все-таки. Ты часто дрался с Хоэром. Что вы не поделили?

– Что может не поделить человек со злобным зверем?

– Степан Варза назначил этого зверя главой стражи. Доверил корабли, товар, себя, жизни людей.

– Варза ошибся, – угрюмо сказал Плехан. – И видимо уже заплатил за свою ошибку.

– Хочешь сказать, Варза не знал кого берет в охрану?

– Хочу сказать, что ублюдок Хоэр был хитрым. Умел сладко петь. Я предупреждал, но меня не послушали. Перед уходом каравана я в последний раз подошел к Варзе и просил не брать с собой этого проклятого немца. Варза только засмеялся и сказал, что как раз немец ему и нужен.

До Макарина не сразу дошел смысл услышанного.

– Подожди. Откуда ты узнал, что Хоэр немец?

– Еще бы не знать, – усмехнулся Плехан. – Каждый поморец в городе об этом знал. Сами-то они себя немцами не считают, конечно, названьице другое. Но у нас в Поморье этой разномастной немчурой уж полста лет как собак нерезаных. Неужто мы ихний корявый говор не определим. Да и сам Хоэр особо не скрывался, чуть что сразу начинал по-своему лопотать. Это только вы, низовые люди, можете такое не заметить, а нам сразу все ясно, как стекло. Хозяин питейной избы, Угрюм, знаешь его? Так вот он до сих пор, наверное, думает, что Хоэр его земляк с рязанщины. А все потому что какие-то приезжие скоморохи научили того парочке рязанских поговорок. Не хочу обидеть, дьяк, но тупые вы против нас. А все оттого что за вас царь думает, а вы только шапки ломаете. А как царь сгинул, так у вас сразу такой раздрай случился, что хоть всех святых выноси.

Макарин решил пропустить эту колкость мимо ушей. Зато сам факт он пропустить не мог.

– То есть каждый поморец знал, что в город пробрался чужак, и никто об этом не сообщил воеводам?

– А толку что, – пожал плечами Плехан. – Как пробрался, так и убрался. А главное, любому поморцу к вашим воеводам совсем не с руки ходить. Спасибо точно не скажут, а в подвале сгноят. Мы здесь сами по себе, вы сами по себе.

– Не болтай лишнего, Шубин. Здесь везде власть московская. И у вас на Помории тоже. А за недонесение в таком важном деле – подвал с дыбой самое мягкое наказание.

– Не пугай, дьяк, – миролюбиво сказал Плехан. – Мы пуганые. Хотя сейчас я уж конечно думаю, что надо было с Хоэром решать что-то сразу. Не воеводам шептать конечно. Удавить по-тихому и все дела. У меня был шанс, но он выжил. Здоров, чертяка. Потому и вину до сих пор чувствую. Сдох бы Хоэр, авось и у Варзы дела пошли бы по-другому. Ты вот только приехал, а я уже с прошлого года рыщу в округе, ищу зацепки.

– И что нашел?

– Немного, – нехотя сказал Плехан. – Дело темное. Да и самоеды не любят о нем говорить, боятся гнева предков. Только вот такие, как Хадри, оторванные от больших родов, еще могут помочь. Да парочка стариков. Недавно мне рассказали, что Варза с подельниками привез из пустошей какую-то самоедскую святыню. Или даже не совсем самоедскую, а какого-то народа, который жил в этих краях задолго до нынешних дикарей. То ли украл он ее, то ли из земли выкопал, то ли просто подобрал. Привез в город, погрузил на корабль и вывез.

– А как она выглядит, эта святыня, об этом тебе рассказывали?

– Вот с этим закавыка. Как я понял, у них нет достаточных слов, чтобы ее описать. Какой-то идол, а может просто камень. Некоторые его называют Шептуном, потому что он шепчет. Некоторые – Летуном. Видимо, потому что летает. Только не спрашивай, что это значит, сам не знаю. Одни говорят, что он сделан из зеленого камня. Другие – что из красного. Это к стати само по себе уже странно. Идолы у здешней самоеды в основном деревянные. Пару деревяшек связали, шкурами, ленточками украсили, вот тебе и идол. А чтобы каменный, это редкость. Я о каменных только у далекой самоеды слышал, на закат отсюда, вдоль моря-океана. Но там даже не идолы, а просто камни. Сложат грудой на берегу, знаки свои на самом большом намалюют, рогами и железяками украсят и молятся.

– Казаки воеводы Кокарева сказывали, что у Варзы был какой-то странный большой ящик.

– Да. Именно в нем он держал этого идола. Сам я его не видел, да и не знал о нем тогда ничего. Зато теперь я знаю, где они этого идола взяли.

– Где?

Плехан приосанился, выпрямил спину. Даже в сидячем положении он почти доставал до нависающего над лежаком потолочного бруса.

– Один дед недавно рассказал о заброшенном становище, где жили те, у кого стащил идола Варза. Оно хоть и недалеко отсюда, дня два пути, рядом с рекой Пураям, но тайное. Дорогу к нему никто из наших не знает, только местные. Ну и Варза, видимо, знал. Или кто из его подельников. Становище это не простое, там спокон веков местные колдуны жили, потому и дорогу к нему пришлым не показывают. Но этот дед пообещал меня проводить до места. Если хочешь, пойдем вместе.

Макарин долго разглядывал обветренное лицо Плехана Шубина, прежде чем ответить. Глаза у того были светло-голубыми, чистыми и бесхитростными, какие бывают у детей и юродивых.

– Нелюбящий государевых людей поморец приходит к дьяку Разбойного Приказа и просто так, без всякой причины, предлагает идти к местным колдунам? Почему один не сходишь?

– Колдунов там уже, положим, нет. А один я туда пойти не могу. Дед сказал, что поведет меня только вместе с большим белым начальником из крепости. Я сперва думал к воеводам подкатить, а тут ты нарисовался. Ведь ты тоже большой белый начальник? Значит подходишь. – Хадри у стола буркнул что-то невнятное, но Шубин не обратил внимания. – В любом случае, вместе будет сподручнее.

Было в этом что-то подозрительное, но Макарин решил не таиться.

– Ладно. Утром выдвинемся, – он начал вставать. – А пока надо предупредить воевод, чтобы они выделили стрельцов с казаками для защиты. И снаряжение. Побудь тут. Я скоро.

Тяжелая лапища уложила его обратно на лежак.

– Э, нет, дьяк. Так дело не пойдет. Пойдем вместе это значит пойдем вместе. Ты и я. Ну вот еще Хадри с нами. И деда того по пути захватим. И больше никого. Никаких стрельцов, никаких казаков. Толпой по тундре только враги передвигаются. Да и дед толпе никакой дороги не покажет. Уйдет вниз в леса, и никто его никогда не найдет. Либо идем налегке, либо вообще не идем.

– Хочешь, чтоб государев дьяк к дикарям в одиночку ходил? – криво усмехнулся Макарин.

Плехан пожал плечами.

– Воля твоя. Хочешь – иди. Не хочешь – не иди. Условия я тебе сказал.

У стола заскрипел, засопел Хадри, косолапо подошел ближе к Плехану и зашептал ему что-то на ухо. Плехан нахмурился, помотал головой, не соглашаясь с дикарем. Хадри зашептал громче, на своем наречии, дергая поморца за рукав. Звучал дикарский язык гортанно и звонко одновременно.

– Что он говорит?

– Говорит, что ты нам нужен. Что без тебя ничего не получится. Всякие самоедские поверья напоминают, не бери в голову.

Хадри подскочил к Макарину, схватил его за руку.

– Большой белый человек. Идти надо. Идти!

От дикаря несло мокрой псиной и тухлой рыбой.

Макарин поморщился, отстраняясь.

– Одному мне там делать нечего, – сказал он. – Несколько человек в сопровождении взять необходимо. Они будут идти поодаль, чтобы дед ничего не заподозрил.

Плехан вздохнул, разведя руками.

– Ну раз такое дело, значит делай как предлагаешь.

Макарин не сразу понял, что поморец сказал это не ему, а самоеду.

Хадри полез куда-то в глубь своей необъятной шкуры, достал цветастый расшитый бисером мешочек, ловко развязал его, схватил щепотку серого порошка и с размаху швырнул в лицо Макарину.

Жгучая пыль мигом проникла в ноздри, глотку, залепила глаза, опрокинула мир, рухнула вниз, в темный колодец, утянув за собой слабо сопротивляющегося дьяка, и только где-то далеко наверху исчезал тусклый свет лучины и чей-то гулкий, будто из ведра, голос сокрушенно произнес:

– Ну вот. И как нам теперь его вытаскивать?

8

Он падал долго. Бесконечно долго.

Сперва это был колодец с осклизлыми бревенчатыми стенами, по которым ползали какие-то белесые гады. Потом бревна заволокло черным дымом, и он оказался в пустоте, за которой ничего не было, и только шевелилось что-то огромное, темное, с зубастыми пастями, чешуей и змееподобными корнями, сквозь которые проглядывали изможденные человеческие лица. Он узнавал эти лица и каждый раз, когда сталкивался с ними взглядом, пытался поднять руку, чтобы перекреститься, но руки не слушались, и тогда до него доходило, что рук у него нет. Потом он увидел в темноте глаза покойной жены. Марья смотрела сквозь него, не видя, и было в ее взгляде что-то такое, отчего Макарин вдруг со всей ясностью понял, что уже мертв, и что там, внизу, его ждет то, что ждет любого оступившегося грешника, и тогда вокруг взвилось бешеное пламя, пожирающее стены домов, купола соборов, толпы бегущих людей, и он понял, что уже видел это, так давно, и так недавно, видел горящий город, видел кроваво-красную ночь и ряды закованных в сталь врагов, медленно теснящих плохо одетых и еще хуже вооруженных горожан к горящим кварталам. Вместе с огнем вокруг него бесновались какие-то фигуры в длиннополых одеждах. Они кружились в дьявольском хороводе, то приближаясь, то отдаляясь. Под ними горела Москва, над ними горело небо, а они выплясывали, беззвучно веселясь и беззвучно рыдая, их было много вокруг него, а вдали их было еще больше. Кого-то он знал хорошо, кого-то видел только мельком, кого-то не видел никогда. Среди них были мертвые, и были еще живые, но мертвых было больше, и он с ужасом смотрел на покрытое струпьями лицо Годунова, такое благообразное и величественное при жизни и такое ужасающее сейчас. Цари, бояре, военачальники, русские, ляхи, свеи, казаки, попы и разбойники – все они были сейчас здесь. Жирный Шуйский проплыл мимо него, ухмыляясь, вместе с мертвым круглолицым племянником в доспехах. Патриарх Ермоген погрозил распятием и прошептал о ждущей его каре, ежели он не выполнит предписание. За патриархом прятались безликие тени, и Макарин подумал, что и сам патриарх вряд ли толком понимает, что это за предписание и почему оно так важно. Затем мимо потянулись холеные ляхские рожи в шлемах с перьями, мелькнул лупоглазый малолетний урод в одеждах польского королевича, Макарин отвернулся, и увидел что-то еще более блестящее, еще дороже расшитое, и с трудом узнал, ведь прошло почти десять лет. Ксения Годунова с достоинством несла мимо него свое роскошное, запакованное в царские одеяния, тело, и глаза ее также как и десять лет назад были холодными и надменными. «Знай свое место, подъячий». А позади нее виднелась гнусная бородавочная морда первого самозванца, чья потная рука уже задирала ей расшитый подол. Хоровод закружился быстрее, и теперь в нем стало больше всякого низкорожденного отребья, которое повылезало вдруг откуда-то с гнойными ранами и гнилыми зубами, но потом сильнее полыхнуло пламя, да так, что болью резануло по глазам, и все исчезло. Осталось только клубящееся красное марево, из которого постепенно проявился сомкнутый высоко над головой дремучий лес. Замшелые стволы рядами стояли так близко друг к другу, что казались великанским воинством, и Макарин подумал, что мимо них не протиснется даже самый мелкий зверек, но вдруг деревья расступились, и из чащи вышел огромный белый олень. Его раскидистые рога были сплошь увешаны каким-то разноцветными ленточками, колокольчиками, и мягкий звон стелился по замшелой земле, успокаивая. Олень казался привидением с горящими глазами и шкурой, сотканной из тумана, и Макарин подумал, что путь на тот свет почти пройден. Двое ангелов внезапно возникли у него за спиной, а впереди, рядом с оленем, ключья тумана вдруг потемнели, сгустились, и вперед выступила бесформенная рогатая фигура с пламенеющим посохом. Макарин попытался вспомнить, у кого из архангелов есть рога, и кто из них ходит с посохом, но не вспомнил. Призрак медленно подплыл ближе.

– Это он?

Ангелы за спиной ответили утвердительно, а Макарин захотел что-то сказать, но не смог.

Призрак наклонился над ним, и Макарин увидел вместо лица испещренную трещинами и рытвинами безжизненную маску, без глаз, без губ, без носа. Маска была густо покрыта когда-то разноцветными, но теперь уже поблеклыми узорами. По бокам свисала грязная бахрама. На какого бы то ни было архангела эта физиономия походила мало.

Призрак выпрямился.

– Пусть спит. Дорога долгая.

Он плавно махнул рукавом, сгоняя туман, превращая его в воронку, в которую тут же утянуло и Макарина, и весь мир вокруг. И снова потянулись мимо него невнятные тени, освещенные кровавым маревом, и тянулись они долго, так долго, что до Макарина, наконец дошло, что это вот он и есть, ад. А потом тени сгустились, потянулись к нему своими длинными корявыми руками, и принялись толкать, щипать, бить, царапать. Их тихие бесплотные голоса обрели вдруг силу и стали походить на рев иерихонских труб.

– Просыпайся, государев человек. Пора уже.

То, что Макарину показалось ревом труб, было тихим шепотом.

Плехан Шубин снова потряс его за плечо.

– Приехали почти.

Макарин поднял голову, тяжеленную, как пушечное ядро.

Было почти темно и вокруг был дикий лес, состоящий из корявых, будто изуродованных сосен. Светло-серый мох укрывал землю сплошным толстым ковром, по которому легко скользили полозья. Макарин сидел на шкурах в широких санях, которые толстыми ремнями были прикреплены к тройке облезлых оленей.

Нависающий над ним Плехан заметил, что дьяк очнулся, крикнул «Стой!» и спрыгнул на ходу, утонув в мягком лишайнике по щиколотку.

Макарину уже приходилось видеть самоедские сани, сперва у Обдора, потом еще пару раз на берегах рек. Легкие, собранные из тонких белесых жердей, кое-где обтянутых шкурами. Попутный зверолов на коче называл их нартами и рассказывал, что они бывали разных видов. Длинные и тяжелые грузовые, простые и легкие для охотников, широкие и удобные женские с высокими бортами из бересты. Судя по всему, Макарин сидел как раз в женских.

Нарты остановились. Спереди, из-за оленей появился Хадри из рода Собачье Ухо.

Только теперь Макарин заметил, что привязан за руки и за ноги кожаными ремнями к бортам.

– Вы даже не представляете, что с вами будет, когда попадете в руки воевод, – сказал он.

Шубин почесал затылок.

– Отчего ж не представляем. Власть на новые выдумки не горазда. Ты не серчай, дьяк. Иначе тебя было не убедить. Сам скоро поймешь, что всё к лучшему.

– Это вряд ли.

Сбоку послышался мягкий топот и шорох подъезжающих нарт. В поле зрения выступил крупный белый олень с ленточками на рогах, точь-в-точь, как в давешнем кошмаре. Макарин не успел удивиться. Нарты, появившиеся следом, были раскрашены сложными узорами и обвешаны длинными плетеными нитями, на которых висели какие-то фигурки. Легкий звон колокольчиков струился по земле, обволакивая все вокруг.

Человек, восседающий на этих нартах, олицетворял собой все, что возникало в голове у дьяка при слове «колдун».

Это был невысокий, скособоченный дикарь, одетый в разномастные шкуры, перетянутые шнуровкой и расцвеченные аляповатыми узорами. Часть его одежды была мехом внутрь, часть мехом наружу, по рукавам, на поясе и на ногах висели какие-то засушенные кости, черепа мелких животных, медные статуэтки. Наборный металлический пояс судя по обшарпанному

виду был сотню лет назад привезен с далекого юга. На голове красовался помятый круглый шлем татарского образца, к которому были прикреплены обветшалые олени рога. С рогов свешивались ленты с колокольчиками. Лицо было полностью закрыто разукрашенной маской, отверстия для глаз и рта терялись в темных завитках, напоминающих маленькие водовороты. Смотреть на эту маску было неприятно.

– Проснулся, – сообщил колдуну Шубин.

Колдун кивнул, ничего не сказав, тронул своего оленя красным шестом, украшенным перьями и соболиными хвостами. Олень послушно двинулся вперед.

– Это тот самый старик, – прошептал Шубин Макарину. – Я тебе рассказывал. Никто не знает какого он рода, а потому и имя его не известно. Я его зову просто Дед.

– Дед нет, – прошептал округлив глаза Хадри. – Звать не так.

– Да, – сказал Шубин. – Местные его по-другому называют.

Хадри выдал на своем языке длинную тираду.

– Местные его зовут... – начал было переводить Шубин, но не сразу подобрал слова. – Что-то вроде Из Ямы В Земле Вылезший. В общем, имечко еще то. Дед проще.

Макарин хмыкнул и показал Шубину привязанные руки.

– Как я понимаю, вы с этим дедом меня в плен взяли?

– Ох, нет, дьяк. Это только для того чтобы ты с саней не выпал при тряске. Ехали мы довольно споро.

Он достал нож из голенища, ловко перерезал ремни.

– Мы и оружие твое прихватили, – добавил. – Все что нашли. Кинжал, самострел. Зелье к нему, свинец. У тебя в ногах, вон. Так что не думай.

– Может вы еще и воеводам сообщили, куда меня увозите?

– Вот это нет. Это никак нельзя было сделать. Мы тебя с крепости на подводе с мясом вывезли. Никто ничего не заподозрил.

– То есть никто не знает, где я, что со мной.

– Именно так. И не должен знать. Дело тайное. Кто там у вас в крепости свой, а кто чужой, неизвестно. Осторожничать требуется. Вернешься, сам кому захочешь, расскажешь.

Макарин, кряхтя, вылез из нарт, прошелся по белому мху, растирая затекшие руки. Конечности начинали гореть от долгого бездействия. При ближайшем рассмотрении мох оказался не совсем белым. На самом деле это была дикая смесь из разноцветных пушистых лишайников, усеянная крапинками мелких цветков, среди которых кое-где сверкали темно-красные ягоды. Белыми здесь были только самые верхние и самые большие мхи. Они напоминали застывшую морскую пену.

– Ты кого-то боишься, Плехан, – сказал Макарин, выпрямившись. – И не говоришь, кого.

– Всею свое время, дьяк. Я пока не решил, можно ли все тебе рассказать.

– Сколько времени я спал?

– Выехали мы вчера утром. Стало быть, полтора дня получается. Сонная пыль у Хадри знатная, семейный рецепт. Некоторые после нее неделями спят.

Макарин ходил взад-вперед, мохнатый ковер упруго прогибался под его ногами. Было тихо, только где-то впереди еле слышно звенели колокольчики, да всхрапывали олени. Макарин впервые видел этих животных так близко. Маленькие, едва доходящие до груди в холке, с плотной серо-бурой шерстью, которая была покрыта пятнами и проплешинами. Олени смиренно стояли, опустив темные головы с небольшими ветвистыми рогами и меланхолично поедали кудрявую моховую пену. Макарин заметил, что олени и запряженные в них нарты связаны друг с другом в некое странное подобие свадебного поезда. Впереди была четверка самых крупных и откормленных особей. Они были расставлены веером, их спины перетягивали широкие ремни, от которых тянулись постромки к легким длинным нартам. К высокой

покрытой шкурами спинке первых нарт коротким поводом был привязан один из трех облезлых оленей, что были запряжены в Макаринские нарты.

Макарин подошел к своим нартам. Это была широкая деревянная конструкция с высокими бортами, обитыми берестой, и чем-то вроде сидения сзади. Впереди, под слоем оленьих шкур, действительно угадывался сверток с оружием. Похитители прихватили даже его любимую вязь с кармашками и мешочками, набитыми порохом, готовыми пулями, пыжами и прочей полезной оружейной дребеденью. Он взялся за торчащую из свертка рукоять ручницы.

– Что мешает мне застрелить вас всех прямо сейчас?

Шубин пожал плечами.

– Вряд ли у тебя это получится. Запал приготовить не успеешь. Да и не выберешься ты без нас отсюда. Пешком не дойдешь, а олешками еще уметь управлять надо.

Где-то впереди негромко заклекотала какая-то птица.

– Пора дальше, – сказал Плехан. – Дед зовет.

Хадри побежал вперед, к головным нартам. Макарин залез обратно в свой короб. Шубин взгромоздился позади него.

Они ехали долго, сумерки уже давно должны были смениться ночью, но тусклый свет не кончался, и Макарин вспомнил, что рассказывали на корабле о бесконечной серой мгле летом и бесконечной черной мгле зимой.

Колдун был впереди, но о его присутствии напоминал только перелив колокольчиков, еле слышный за топотом. Хадри то и дело хрипло гыкал, похлопывая шестом одного из своих оленей.

Скоро лес кончился и потянулась плоская безрадостная равнина, красноватая в свете заходящего солнца. Пару раз мелькнула пойма какой-то реки, потом начались овраги, постепенно перешедшие в замшелые скалистые склоны, покрытые корявым кустарником.

На широкой заросшей толстым мхом поляне они догнали нарты колдуна и остановились. Впереди, за поляной, у самой кромки леса виднелись какие-то покосившиеся шалаши.

Колдун с трудом выбрался, опираясь на разукрашенный посох. Стоя, он казался еще меньше.

– Дальше ногами, – проскрипел он. – Нартам хода нет.

Дальше ход был, поляна была совершенно плоской, но Макарин решил не спорить. Тем более, подошедший Шубин пояснил, что дело не в отсутствии дороги, а в том, что оленям к заброшенному стойбищу лучше не приближаться. Действительно, вся восьмерка запряженных животных, в том числе белый колдунский красавец, крупно дрожали, прядали ушами и явно хотели убраться подальше.

Макарин осмотрелся внимательнее.

Поляна была совершенно круглой. В ее центре виднелось кривое засохшее дерево. По всей поляне из низкой травы торчали какие-то длинные жерди, высушенные до бела остатки сломанных нарт, похожие на окаменевшие кости каких-то гигантских животных, деревянные конструкции, напоминающие маленькие бревенчатые клетки на коротких сваях. Шалаши на дальнем конце поляны, видимо и были заброшенным стойбищем. Приглядевшись, Макарин понял, что они давно сожжены и наполовину растащены. Обугленные жерди торчали вразнобой. Сгнившие шкуры свисали лохмотьями. Судя по разросшемуся бурьяну, забросили стойбище довольно давно.

Колдун подошел вплотную к Макарину, поднял голову. Скрытые за маской глаза долго и пристально рассматривали его лицо, будто старик пытался понять, что ему делать дальше. Макарин старательно не отводил взгляд, хотя от завитков на маске очень быстро закружилась голова.

– Ты пойдешь следом за мной, – наконец сказал колдун. – Вы двое в десяти шагах сзади. Ближе не приближайтесь.

По-русски дед говорил на удивление чисто.

– Что это за место? – спросил Макарин.

– Хальмер, – коротко ответил колдун и похромал к поляне.

Макарин вопросительно глянул на Шубина и Хадри.

– Хальмер это кладбище, – шепотом пояснил Шубин. – Потому и олени не идут. Мертвецов боятся. Да и не простые тут мертвецы. Стойбище-то колдовским было.

Хадри вдруг запричитал что-то еле слышно, покружился, пританцовывая и обхватив голову руками.

Отошедший уже за десять шагов колдун обернулся к ним, громко шикнул, поторапливая.

– Да, – спохватился Шубин, – Идем. Нам бы отсюда побыстрее убраться. Ночью разное бывает.

Макарин медленно двинулся к колдуну, разглядывая поляну и деревянные маленькие клетки на ней. Только отойдя от нарт на довольно приличное расстояние, он вдруг вспомнил, что не взял оружие, но возвращаться не решился.

– Очисти голову, выбрось дурные мысли, – сказал ему колдун, когда они поравнялись. – Иначе тут плохо будет.

Темнота пусть и с опозданием, но все-таки надвигалась, она уже поглотила дальний лес. Длинные тени от почти зашедшего солнца плясали перед ними, накрывая ближайšie клетки. Это были примитивные бревенчатые срубы, похожие на маленькие открытые домики, поднятые над землей. Они были увешаны обветшалыми лентами, с некоторых из них свисали колокольчики. Внутри виднелись кучи какого-то тряпья, и Макарин подумал, что эти срубы – местная замена памятников над могилами. Он слышал, что дикари приносят умершим предкам жертвы, складывают для них еду, одежду, утварь. И только пройдя совсем рядом он понял, что никаких могил здесь нет.

Мертвецы лежали внутри срубов.

Уже давно сгнившие и иссохшие, завернутые в некогда богатые одежды. Их обтянутые серой кожей черепа скалились, глядя на проходящих мимо своими проваленными глазницами. Кости рук и ног свисали наружу или валялись внизу, на земле, посреди сгнивших ленточек, бус, соболиных шкур. В некоторых срубках вместе с покойниками лежало ржавое оружие, сломанные луки, разодранные части доспехов. Однажды в глубине, рядом с изуродованным черепом, Макарин заметил блистающий эфес дорогой персидской сабли.

– Не разглядывай, – предупредил его колдун. – Будешь пристально на них смотреть, они начнут смотреть на тебя.

– Что здесь произошло? – спросил он, отвлекаясь.

– Их всех убили. Их чумы сожгли. Было за что.

Они продвигались по пологой дуге, медленно, и Макарин не сразу понял, что их цель не сожженное стойбище на краю поляны, а засохшее дерево в ее центре. Старик шел, тяжело опираясь на посох и временами что-то приговаривая свистящим шепотом. Шубин с Хадри тащились сзади, в десяти шагах, и было слышно, как шумно дышит поморец. Стояла глухая безветренная тишина, и только позвякивали колокольца на рогах у колдуна.

Дерево выросло перед ними внезапно, черное и мертвое, как и все вокруг. С его голых ветвей свисали длинные лохмотья, плетеные нити, какие-то цветастые разодранные свертки. Макарин уже не удивился, когда заметил торчащие из одного такого свертка кости, судя по размеру детские. Земля под деревом была изрыта неглубокими ямами в которых виднелись раздробленные костяки, черепа, разбитая утварь и гнилое тряпье.

Колдун остановился.

– Здесь они его хранили, – сказал он, показав на одну из ям. На ее дне темнела стоячая вода, поросшая тиной. – Десять зим, с тех пор как нашли его на Краю Земли. Нашли и пере-

несли сюда. Десять зим он стоял здесь и его власть расплзалась по нашим землям. И никто из нас не знал об этом.

– Кто это – он? – тихо спросил Макарин.

– У него нет имени. У всех наших богов есть имя. Но это не наш бог. Это бог древних людей, которые ушли вниз много-много лет назад.

– Вниз?

– Есть три мира. Верхний, мир богов и героев. Средний, мир людей, наш мир. И нижний. Мир чудовищ и мертвецов. Старый народ ушел туда. Он ушел в холмы, под горы, в ямы, где горит вечное пламя. Ушел навсегда и закрыл за собой свои железные двери. Иногда, впрочем, он о себе напоминает. Мой прадед рассказывал, как заблудился однажды в пещере далеко на закат отсюда. Он долго скитался один, в полной темноте, пока наконец не увидел их. Он был тогда очень молод, но домой вернулся совсем седым. Ему повезло. Мало кто возвращался из тех, кто их видел. Некоторые наталкивались на их подземные сокровища, но счастья это не приносило. Живший здесь род Белого Волка пошел еще дальше. Он украл у старого народа их бога. И десять зим он стоял здесь.

Старик угрюмо замолчал, глядя вниз, на темные ямы под деревом.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил Макарин.

– Я рассказываю это тебе, потому что теперь это твоя проблема. Десять лет старый бог подминал под себя нашу землю. Мы ничего не знали об этом, но он стоял здесь, и наша земля истекала кровью. Никогда у нас не было столько войн, сколько было за это время. Все приходило сюда, все сжигали наши стойбища, все убивали наших людей. В реках пропала рыба. В пустошах исчезли олени. Мы голодали. Наконец сюда пришли вы, и теперь мы обязаны платить вам ясак и посылать заложников. Мы всегда были вольным племенем. Бог старого народа изменил это. Когда мы узнали причину бед, мы собрались и пришли сюда. Мы вырезали весь род Белого Волка. Всех мужчин мы убили в бою. Всех женщин и детей мы убили здесь, у этого дерева. Ты видишь их кости. Бог старого народа смотрел на то, как мы их убиваем. Но мы старались на него не смотреть. Если ты спросишь, как он выглядел, я не смогу тебе ответить. И никто не сможет. Потому что на него нельзя смотреть. Мы похоронили их старейшин, воинов и колдунов на этом поле. Похоронили с почестями, с их оружием. И ушли. Мы думали, что старый народ сам придет сюда и заберет своего бога. Но сюда пришли вы. Ваши люди. Они забрали старого бога к себе. И поэтому теперь это твоя проблема. Теперь на ваши земли пришло то, что мучило нас десять зим. Кровь, война и голод.

Макарин подумал, что война с голодом пришли в Московское царство уже давно, но не стал ничего говорить. Сама мысль, что беда зависит от какого-то древнего истукана, была смешной. Хотя здесь, в наступающей на языческое кладбище темноте, любая безумная мысль смешной не казалась.

– В наши земли этот ваш бог еще не добрался, – сказал Макарин. – Он исчез где-то неподалеку.

Колдун помолчал, прежде чем ответить.

– Да. Знаю. И именно поэтому ты здесь. Иначе бы я не стал возвращаться на это проклятое место. Ты, большой белый начальник, должен сделать так, чтобы бог старого народа вернулся в ту дыру, из которой его достали. Тогда будет хорошо и твоему народу, и моему.

– И где эта дыра находится?

– Никто точно не знает. Где-то далеко на закате, там, где были главные поселения древних людей. Некоторые из рода Белого Волка рассказывали что-то про Край Мира, но Край Мира большой. И туда мало кто ходит, поэтому проводников ты не найдешь.

– Край Мира это большая земля на закат отсюда, за узким морем?

– Край Мира это Край Мира.

Колдун замолчал. Внезапно подул ветер и тихо зазвенели колокольчики.

– И что же делать?

Колдун пожал плечами.

– Найти тех, кто увез бога. Найдешь их, найдешь бога. Тогда увидишь.

– Но как их найти. Они исчезли и не оставили следов.

– Никто не исчезает бесследно. Следов не видит только тот, кто плохо смотрит. Один след ты уже нашел. Иди по этой дороге дальше. Тогда придешь на место.

– О чем ты говоришь, старик? Я не вижу никакой дороги.

– Ты не видишь дороги. Но дорога видит тебя. Есть еще одна опасность, о которой тебе стоит помнить. Слухи о боге старого народа разнеслись далеко вокруг. Об этом теперь знают по обе стороны от Каменного Пояса. Все окрестные земли и племена пришли в движение. Все хотят получить бога. Ибо не понимают, с чем имеют дело. Одни думают, что этот бог даст им силы и власть над соседями. Для других это просто истукан, которого можно распилить и продать. А третьи верят в то, что бог старого народа даст им контроль над самим старым народом. Возможно, кто-то из них уже нашел тех, кто увез бога и именно поэтому они исчезли. А может еще нет и у тебя есть время. В любом случае все начали охоту. Твои князья что-то знают, раз прислали тебя. Но знают они немного, иначе бы прислали с тобой сотни воинов. Чужие князья собирают армии, чтобы вести их сюда. Все, про кого ты слышал и даже те, про кого ты не знаешь. Да и среди наших родов не все думают так, как я. Род Белого Волка сильно разбогател в свое время, бог старого народа хорошо платит по началу. Многие надеются получить силу, но избежать гибели. Враг может быть повсюду. И среди твоих людей в крепости. И среди твоих людей в других крепостях. Будь готов к этому.

– Откуда ты так хорошо знаешь наш язык?

Колдун сделал шаг ближе, оказавшись вплотную рядом с Макариным, и поднял голову. Его прячущиеся за маской глаза блестели.

– У меня были хорошие учителя.

– Если у тебя были хорошие учителя, значит ты не простой дикарь. Ты как-то связан с нами. Но ты похищаешь государева дьяка, привозишь его к какой-то заболоченной яме и рассказываешь сказки о всемогущих истуканах. И после всего этого я должен тебе верить? Тебя вроде бы называют Вылезший из ямы. Не из такой ли ямы ты вылез?

Колдун ничего не ответил, и по этому тягостному молчанию стало ясно, что вопрос ему не понравился.

Он посмотрел на застывших в нескольких шагах позади Плехана и Хадри.

– Мохнатая Шкура, подойди ближе.

Шубин медленно двинулся к ним. До Макарина не сразу дошло, отчего поморец откликнулся на такое странное прозвище.

– Ты привел ко мне большого белого начальника. Я обещал тебе помочь, – сказал колдун. – Не твоя вина, что большой белый начальник оказался тупее рыбы. Возьми.

Он отстегнул от своего пояса берестяную плоскую фляжку и протянул Шубину.

– Спустись вниз, к той яме, где стоял бог. И набери воды.

Плехан с сомнением глянул на старика, но взял фляжку и осторожно стал спускаться. Земля осыпалась под его ногами. Макарин смотрел, как он сперва долго кружил вокруг ямы, пытаясь найти более пологий спуск к стоячей воде. Потом опустился на колени и дотянулся фляжкой до грязной жижи. В наступающей темноте застывшая на дне ямы лужа выглядела черной дырой. Казалось, что сейчас произойдет что-то странное, но так ничего и не произошло. Набрав воду, Шубин заткнул горлышко, отряхнулся и поднялся к ним. Молча встал рядом, с ожиданием глядя на колдуна.

– Когда вернешься в свое жилище, – сказал колдун, – половину выльешь в очаг, половину дашь выпить. Тогда проснется. Дальше сам поймешь, что делать. Дальше тебя судьба поведет.

Плехан серьезно кивнул и бережно спрятал фляжку за пазухой.

– Мне как-то пришлось пить болотную воду, – сообщил Макарин. – Еле выжил. Ему никто не ответил. Копившееся внутри раздражение требовало выхода.

– Послушай, старик, – сказал он как можно более громко, чтобы не слышать тихого воя ветра и звона колокольчиков. – Это все конечно прекрасно. Древние истуканы, битвы народов, старые легенды. Как у фрязей в Риме. Там тоже все с ума походили насчет ископаемых статуй. То здесь, то там позабытых богов находят. Без рук, без ног, иногда без головы. Выкапывают, расставляют в своих домах, как умалишенные. Но все это гроша выеденного не стоит. Мне нужно найти караван. И для этого мне нужен такой след, увидев который я точно пойму, что делать дальше. Здесь его нет, – он повернулся к Плехану. – И если вы меня не вернете обратно к завтрашнему вечеру, все битвы народов вам детской игрой покажутся.

Он потерял колдуна из виду всего лишь на мгновение. И тут же затылком что-то почувствовал. Какое-то изменение, легкое дуновение даже не ветра, дыхания.

Колдуна не было. И не было больше звона колокольчиков. Только все сильнее выл ветер, и уже трещали на дереве мертвые ветви.

– Бред какой-то, – пробормотал Макарин, чтобы хоть что-то сказать.

– Это у них бывает, – сказал Шубин. – Только вот тут стоял, а, глядишь, уже и не стоит. Сказывали, что они даже летать могут.

Хадри залопотал что-то по-своему, подпрыгивая на одном месте.

– А насчет следа ты зря, – продолжил Шубин. – Дед тебе правильно сказал. Здесь след, просто ты его не видишь, хоть на него и смотришь.

Макарин непонимающе глянул на него.

– У меня твой след, дьяк. На заимке. Тут недалеко. Там все поймешь.

9

Они ехали всю ночь.

Макарин то и дело просыпался от тряски, рывков, фырканыя оленей, видел сомкнутую над головой черную стену леса и снова пытался заснуть. Иногда едущий впереди Хадри из рода Собачье Ухо начинал тянуть заунывную песню, будто состоящую из стонов и всхлипов, и тогда все лесные звуки, – уханье филина, несмолкающий звон комаров, шелест деревьев, – замолкали и только где-то далеко на грани восприятия слышался ответный волчий вой. Страшно болела голова и весь мир вокруг казался призрачным и нереальным, словно полет белой совы, которая мелькала меж корявых веток то слева, то справа, будто преследуя.

Иногда деревья расступались и тогда Макарин видел бледную залитую лунным светом плоскую равнину, уходящую за горизонт. Луна висела над лесом, слева, как огромный изрытый пятнами фонарь, и Макарин вдруг понял, что они продолжают путь на закат, все дальше от Мангазеи, все ближе к морю. За морем был ближайший острог, была Обь, был Березов, Тобольск. Дом. Ему вдруг отчаянно захотелось все бросить, позабыть и оказаться далеко отсюда, где нет черного леса, гиблой пустоши, дикарей, их богов и их оленей.

Когда серый рассвет наконец пробился сквозь лесную толщу, они въехали в неглубокое ущелье, по дну которого, среди замшелых холмов, бежал ручей. Шубин спрыгнул с медленно едущей упряжки. Нарты остановились. Впереди виднелся частокол из заостренных бревен, перегораживающий проход.

– Тут надо осторожно, – пробормотал Плехан, подошел к ближайшей лиственнице, у которой с одной стороны были обрублены сучья. Макарин не видел, что он делает, но через мгновение сверху на проход рухнула сплетенная из прутьев решетка с заостренными кольями.

– Ловушки расставляю, – пояснил Плехан. – Тут без них никак. То медведь забредет, то еще кто.

Он с трудом отодвинул часть ограды, такую узкую, что олени еле протиснулись внутрь, задевая боками почерневшие бревна.

Дом выглядел очень старым. Замшелый сруб врос в землю так, что единственное окошко, закрытое сейчас покосившимся ставнем, находилось на уровне пояса. Массивная крыша, выдающаяся далеко вперед по северному обычаю, была крыта дерном и напоминала заросшую мохнатым лишайником шляпку огромного гриба. Макарин оглядел небольшой двор, окруженный плотным частоколом, поверх которого кое где были устроены наблюдательные посты с бойницами. Высокий лес подступал со всех сторон вплотную, и над кольями ограды нависали разлапистые сосновые ветки. В дальнем углу перед разросшимся березовым кустарником виднелся маленький амбар, поднятый над землей на две толстые сваи. Рядом с амбаром, на вытоптанной площадке стоял высокий самоедский шатер, крытый шкурами и выделанной берестой. Шатер был украшен линиями ленточками и выцветшими узорами. У шатра стояла старуха и смотрела на них застывшим взглядом. Ее темное изрезанное глубокими морщинами лицо под расписной конической шапкой казалось деревянным.

– Ну вот и моя заимка, – сказал Шубин, подходя ближе. – Тесная, да уютная.

– Гляжу, ты здесь давно отстроился.

– Не я. От отца осталась. А ему от деда.

– Я думал, до Мангазеи только недавно добрались.

Плехан хмыкнул.

– Недавно до Мангазеи только воеводы добрались. А так, еще мои прадеды сюда на промысел хаживали. С местными торговали, зверье били. Заимку эту мой дед у одного пришлого татарина выменял. Потому и заимка старая. Никто не знает, как она долго здесь стоит. Место больно удачное.

– А прадеды твои на промысел сюда не иначе как через северный поморский волок хаживали?

Макарин смотрел внимательно, но Шубин даже ухом не повел.

– Иногда. А чаще через Мезень с Печорой. Так дольше, но надежнее.

Хадри тем временем ловко освободил оленей от упряжек и теперь степенно подходил к все также неподвижно стоящей у шатра старухе.

– Бабка его, – шепотом пояснил Плехан. – Пару лет назад назад они ко мне прибились, после того как весь их юрт от болезней вымер. С тех пор тут живут. Бабка по хозяйству помогает. Хадри охоту ведет, да рыбу ловит... Здорова ли, бабушка Нембой? – громко спросил он, проходя мимо бабки с внуком.

Бабка не ответила, лишь медленно поклонилась.

– А как наша гостья?

Бабка пожевала губами, явно подбирая слова.

– Спать. Всегда спать.

Голос у нее был скрипучим.

Плехан толкнул плечом низкую дверь.

В избе царила сухая полутьма, пахло костром и травами. В центре был выложен открытый очаг, где тлели красным угли. Слоистый дым поднимался вверх, к отверстию в крыше. Вдоль стен тянулись широкие лавки, покрытые шкурами. Дальний угол был отгорожен тяжелым занавесом, усеянным лентами и металлическими подвесками.

Плехан осторожно откинул полог.

В глубине, под толстым слоем медвежьих, лисьих и соболиных шкур угадывалась чья-то лежащая фигура. Рядом на низком столике стояла плошка с каким-то отваром и горел слюдяной фонарь. В его неверном свете Макарин смог увидеть только высунутый из меховой горы курносый веснушчатый нос и прядь длинных светлых волос.

– Мед губы мажу, ягода отвар лить, – проскрипела сзади старуха, – Как ты говорить, так я делать, Мохнатая Шкура.

– Да, благодарствую, бабушка Нембой, – тихо сказал Плехан.

– Все одно спать, всегда спать, – покачала головой старуха.

– Да...

– Кто это? – прошептал Макарин.

– Это, дьяк, и есть твой след, – сказал Шубин. – Это Иринья, дочка Степана Варзы. Ушла год назад с его караваном. Он всю семью еще лет десять назад схоронил, осталась только Иринья, таскал ее с собой всюду. Ну так вот... А с год назад, осенью, обнаружил я ее на побережье, в разбитой лодке. Лежала так же, как и сейчас лежит. Вроде и не мертвая, а вроде и не живая. Рядом двое покойных с команды, глаза выедены, уши, носы отгрызены, а ее даже звери не тронули.

Макарин шагнул вперед, отодвинув Шубина.

– Эй, девка! Просыпайся!

Он отбросил верхнюю шкуру, схватил девку за плечи, потряс, отвесил легкую затрещину. Ее голова моталась как у тряпичной куклы. Лицо было мертвенно-бледным.

– Грубый вы народ, московиты, – укоризненно сказал Шубин.

– Может она мертва?

– Год здесь лежит. Мы бы заметили.

Макарин вспомнил церковные рассказы про нетленных покойников, но решил ничего не говорить. Неизвестно, что реальнее, спящие по году девки или нетленные покойники.

Сзади что-то жарко зашептал Хадри. Бабка хрипло каркнула.

– Да, не будем ждать, – сказал Шубин и достал из-за пазухи берестяную фляжку. Вынул пробку, подошел к очагу. – Будь что будет.

Густая жижа пролилась вниз, на тлеющие угли. Синий огонь вспух, взвился навстречу с резким шипением. Шубин отпрянул в сторону. Тяжелое зловоние поползло по избе вместе с сизым дымом. Огонь бесновался в очаге, бросаясь из стороны в сторону и становясь то зеленым, то красным, то снова синим. Стало жарко.

– Помоги, господь, – пробормотал Шубин и на деревянных ногах двинулся обратно к спящей девке.

– Шубин, одумайся, это явно нездоровое питье, – сказал Макарин, но не двинулся с места.

– Нет, дьяк. Это надежда.

Он поднес фляжку к губам варзовой дочери, болотная вода точно по готовности выплеснулась наружу, потекла в рот, по бледным щекам.

– Да только от одного запаха ведь можно окочуриться... – продолжил было Макарин, стараясь не дышать.

По лежащему телу прошла крупная судорога, глаза широко открылись, девку выгнуло дугой, рот беззвучно открылся и стал хватать воздух. Дочь Степана Варзы Иринья страшно захрипела, задержалась и повалилась обратно на шкуры.

– ... хотя с другой стороны, такая вонь и мертвого поднимет, – закончил Макарин.

Бабка сзади радостно заворковала.

– Смотри-ка, не соврал дед, – сказал Плехан. – Ну, слава Богу.

Иринья хлопала ресницами, переводя взгляд с Плехана на Макарина и обратно. Косматые грязные волосы торчали во все стороны, по подбородку стекала зеленая жижа. Вдруг бегающий полубезумный взгляд остановился и стал осмысленным, будто девка приняла наконец какое-то решение. Она резко села на шкурах, подобрав ноги.

– Лежи, лежи, – ласково прошептал Плехан и протянул руки, пытаясь снова ее уложить. – Тебе отдыхать нужно.

Иринья с невнятным клекотом оттолкнула его, бросилась к выходу, запуталась в складках занавески, упала. Ноги ее явно не держали. Только сейчас Макарин заметил, что девка одета в какую-то рваную дерюжную мешковину.

Плехан бросился ей на помощь, взял за локти.

– Куда ты, пропащая!

Иринья что-то попыталась ответить, но лишь сишло закричала. Снова оттолкнула Шубина, схватилась за ближайшую лавку, с трудом встала и поплелась к выходу судорожно хватая стены. Шубин шел следом, придерживая ее за руку.

Так они добрались до выхода, и Иринья вывалилась наружу.

Потом она долго сидела на траве у колодца, пытаясь дышать. Все стояли рядом с ней, полукругом, не зная, что делать, и просто ждали. Хадри – вытаращив глаза от непрошедшего изумления. Старуха – застыв на месте и еще более походя на деревянную статую, на которую зачем-то напялили одежду. Плехан – не отводя мягкого участливого взгляда, который на его грубом загорелом лице казался чужеродным.

Иринья сидела опустив голову и обхватив руками поджатые под себя ноги. На вид ей было лет восемнадцать, но точно определить было сложно. Простая северная девка, бледная и осунувшаяся с болезни. Спутанные космы на свету оказались пегими от грязи.

Наконец она подняла голову.

– Где... Где все? Что случилось?

Ее сиплый голос был еле слышен, и Макарин шагнул ближе.

– Мы это у тебя хотели узнать, – сказал он. – Что ты помнишь?

Она непонимающе посмотрела на него. Потом перевела взгляд на Плехана.

– Откуда ты здесь, Шубин? Где мы?

– На заимке моей, Иринушка – ответил он ласково. – Ты должна ее помнить. Вот Хадри. Вот бабушка Нембой. А вот...

– А где отец? Где все? И где...

Тут ее глаза вдруг сузились, и она глянула на Плехана с какой-то злобой.

– Где он, Шубин?

Плехан выпрямился и его лицо помрачнело.

– Где он? – повторила Иринья. – Ты его убил, Шубин? Признавайся! Убил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.